

Михаил Тырин
Контрабандист

«ЭКСМО»

2008

Тырин М. Ю.

Контрабандист / М. Ю. Тырин — «Эксмо», 2008

Казалось бы, пустяковое дело – провести космический корабль без груза через все кордоны и посадить на совершенно безжизненную планету. Опытный галактический контрабандист Грач и не такие штуки проделывал. Тем более что за этот рейс ему была обещана кругленькая сумма. Но что-то уж больно кругленькая. За корабль с пустыми трюмами?! На безжизненную планету?! Подстава, не иначе... Острый нюх, как всегда, не подвел Грача – только на этот раз было поздно! События завертелись с такой скоростью, что впору уносить ноги, но куда их унесешь, когда вся Галактика охвачена золотой лихорадкой, граничащей с массовым умопомешательством? У Грача остался лишь один выход: хочешь спастись сам – спасай всех!

© Тырин М. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть первая	5
Земля, товарный космопорт «Камышинский». 23 октября, вечер	5
Орбита Плутона,	18
Система Дора-14, орбита Беты	29
Космическая лаборатория протовещества	41
Операционный центр космической	51
Нуль-пространство,	54
Космическая лаборатория «Новый Ковчег»	58
Там же, пятью днями позже	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Михаил Тырин

Контрабандист

Часть первая

КОНТРАБАНДИСТ

Земля, товарный космопорт «Камышинский». 23 октября, вечер

Камышинский космопорт – жуткая дыра. Здесь нет ни приличных гостиниц, ни магазинов, ни развлечений. На многие гектары – одни только взлетно-посадочные площадки, склады, топливные станции, ремонтные доки и прочие безжизненные формы.

Все невообразимо огромное, однообразное и тоскливое. В плохую погоду – втройне тоскливое. Сегодня как раз такая погода.

С юга к этой махине примыкает крошечный городок, скорее даже поселок, где живет персонал. Всего около трех тысяч душ, и все друг друга знают, хотя бы в лицо. Там, кстати, есть и заведения, и магазины, но на чужих смотрят косо. Подцепить там стоворчивую девочку сложнее, чем поручиться с президентом Солнечной Федерации. Бары закрываются в десять вечера. В одиннадцать обоследные окна в домах, и поселок вымирает.

«Камышинский» – всего лишь торгово-транспортная площадка. Здесь не бывает скучающих пассажиров, делегаций, туристов, поэтому развлечения не предусмотрены. Я терпеть не могу «Камышинский», потому что здесь нельзя думать ни о чем, кроме работы.

Вечером, без четверти пять, я стоял возле южной проходной и ждал, когда появится Толстый. Валил снег, который глушил свет и без того тусклых фонарей. В воздухе висел едкий запах ракетного окислителя – признак, по которому я где угодно узнаю космодром даже с закрытыми глазами. И еще – негромкий вибрирующий гул, который не смолкает ни днем, ни ночью.

Я не знаю, как люди проводят целую жизнь в этом запахе и в этом шуме. Я простоял здесь всего пятнадцать минут и уже терял терпение. А люди терпят это годами. Возможно, в служащих любого космопорта зреет сумасшествие. Жаль, не знаю статистики.

Толстый вышел из стеклянных дверей проходной ровно в пять минут шестого. Не узнать его было трудно: подпрыгивающая гора жира, обернутая в серо-голубую униформу таможенной службы, увенчанная мятой фуражкой.

Он подошел к своей машине и приготовился втиснуться в салон, когда я неслышно выступил из темноты у него за спиной.

– Толстый, у вас когда-нибудь бывает хорошая погода?

Он вздрогнул, но быстро овладел с собой.

– Грач? Черт тебя возьми, ты бы еще в офис ко мне приперся!

– А чего это мы стали такие пугливые?

– А ничего! И так начальство намекает, что какие-то типы ко мне то и дело шастают.

– Да не смей меня, Толстый. Угостишь начальство коньячком – и нет проблем. Кому нужны проблемы в вашей чертовой дыре? А «типы, которые шастают», между тем тебя кормят, помнишь?

– Хватит базарить, садись в машину.

В машине у Толстого всегда пахнет какой-то жратвой. И во рту у него постоянно какая-то жратва, я вообще привык видеть его жующим. Чисто эстетически мне это не нравится, но бизнесу не мешает.

– Ну, рассказывай, – проговорил он, угнездившись в кресле.

– Да нет, сначала ты рассказывай. И включи, пожалуйста, отопление, я чуть не околел, пока тебя ждал.

В горле у Толстого что-то булькнуло, и я тут же определил, что час назад он отведал бифштекса. Он выудил из-под бушлата смарт-планшет и, тяжело сопя, принялся тыкать в экран своими пальцами-сардельками.

– Сейчас, свяжусь с офисом... – пробормотал он.

– А по памяти никак? – поинтересовался я.

– А у меня память не бездонная. Через меня знаешь сколько такой лабуды за день проходит?

Наконец он нашел, что искал.

– Ну, вот. В общем, есть вариант по этим твоим тау-логерам. Что это такое, кстати?

– Меньше знаешь – крепче спишь. Устройства такие, небольшие и дорогие.

– Ну, это я и сам понял. В общем, гляди. На склад они должны прийти в качестве теплового оборудования...

– Толстый! – укоризненно воскликнул я. – Любой первокласник поймет, что это не тепловое оборудование. Стоит только ящик открыть!

– Это не твоя забота, Грач. Слушай дальше. Там требуется все конкретно указывать, и мой человек промаркирует контейнер как системы реакторной безопасности – какие-нибудь «А-Бэ-Це-ноль-ноль-двести», понял? Разбираться все равно никто не будет. Но посты смотрят только первичную маркировку, а там так и останется тепловое оборудование. Все! Чисто и без хвостов. Можешь отправлять груз через любой порт, наши уже не полезут!

– А не наши?

– А это уже твоя забота, Грач. Я за весь мир не в ответе. Ну? Что скажешь?

Я некоторое время помолчал, раздумывая.

– А почему именно тепловое оборудование? Можно было с тем же успехом вписать детские подгузники. Или орешки в шоколаде. Сам говоришь, разбираться не будут...

– Да здесь-то не будут. А там, на Медее, могут и разобраться.

– Но ведь это моя забота? Или нет?

– И да, и нет. Я, Грач, деньги-то зазря не прошу, если ты еще не заметил. Штука в том, что на Медее возводятся четыре геотермальных комплекса, и тепловое оборудование туда везут со всех концов света – пачками! Спрятать контейнер с твоими железяками проще всего именно так. Бояться нечего – документы чистые, а лазить по ящикам с масляными железяками никому лишний раз не хочется. Это во-первых.

– А есть еще и «во-вторых»?

– Есть, Грач. Тебе не мешало бы знать, что для миров класса «К» строительные, отопительные, пищевые и медицинские грузы идут по желтому списку. Это тебе о чем-нибудь говорит?

– Говорит.

– Разницу в пошлинах напомнить или сам посчитаешь?

– Пожалуй, сам.

– Так что с тебя еще причитается, грамотей хренов.

– Ну, что ж... – я пожал плечами. – Все, что причитается, ты получишь. Плюс почетную медаль «За хитрожопость» второй степени. Но на прежних условиях. Если груз не пройдет ваши посты...

– Само собой. Как договаривались, – его глаза нетерпеливо заблестели. – А ты ничего не забыл?

– Я ничего не забываю, Толстый. Особенно вовремя расплачиваться. В моем деле забывчивость – штука рискованная.

С этими словами я достал из бумажника крошечный конверт из очень плотной бумаги.

– Ну-ка, ну-ка... – Толстый придвинулся, хищно шевельнув ноздрями.

Я вытряхнул на ладонь голубой кристаллик, который в тусклом свете салонной лампы неожиданно ярко разгорелся всеми цветами солнечного спектра.

– Бог ты мой... – вырвалось у Толстого. – Неужели настоящий теолит?!

– Хранил для тебя у самого сердца, – снисходительно изрек я. – Полтора карата, полные солнца.

Он осторожно переложил камень в свою ладонь, в другой руке неизвестно откуда появилась лупа. Некоторое время он постанывал и причмокивал, разглядывая камень.

– Он действительно мерцает ночью? И разными цветами?

– Дома проверишь.

– Сколько же это может стоить.

– Ну... здесь, на Земле, примерно как твое жалованье года за два. Если, конечно, грамотно продать.

– Да как такую красоту продавать! – вырвалось у него. – Продам, если только совсем жрать станет нечего.

– Вы, паразиты, всегда найдете, где и что пожрать.

Толстый вдруг стал серьезен. Он спрятал кристалл обратно в конверт, конверт вложил в сумочку на пояс.

– Ладно, будем считать, с делами покончили, – сказал он. – Можно и по стаканчику, а?

Я пожал плечами.

– Знаешь, Толстый, ваши поилки для портовых грузчиков меня не сильно вдохновляют. Неужели не найдется на всю округу ни одного приличного места?

Он неопределенно пошевелил бровями. Снял фуражку, почесал лысину. Потом поднял на меня взгляд и сказал:

– А давай ко мне.

– К тебе? Куда к тебе?

– Ну, домой.

– Домо-ой?! – я искренне удивился. Подобных товарищеских проявлений я за Толстым никогда не замечал. – А как же больная матушка и стервозная жена?

– Ну, ты вспомнил... Матушка померла уже больше года как. А жена... В общем, один я сегодня. Ну, поехали?

Я с подозрением покосился на него. Ни разу не было такого, чтобы Толстый подпускал меня к личной жизни.

– Знаешь, Грач, – сказал вдруг он, – тема серьезная есть. Не хочется здесь, на коленках, ее разбирать.

– Ну, раз серьезная тема... – я пожал плечами. – Поехали.

* * *

До поселка было десять минут езды. Но снег повалил сильнее, и бортовой процессор ограничил Толстому скорость, поэтому добирались мы несколько дольше.

Все это время я исподтишка поглядывал на него и пытался понять: с чего это ему захотелось за мной дружить? И вообще, кто для меня Толстый? Товарищ он мне или просто парт-

нер по не очень чистому бизнесу? Можно ли с ним поговорить по душам или его интересуют только комиссионные?

Должен сказать, я не очень-то нуждался в душевных собеседниках, но сегодня это лучше, чем пустой вечер в обшарпанной гостинице для летного состава.

Вроде бы и не чужие мы с ним люди, восемь лет работаем вместе и знаем друг про друга столько, что хватит на полжизни в тюремной камере. Но что это – доверие или просто трезвый расчет?

Не знаю, с чего на меня нахлынули эти нежности. Должно быть, так: жизнь идет, а друзей нет. Есть только более или менее надежные партнеры, а еще люди, которые мне кое-чем обязаны. Этого мало. Нужны друзья.

Войдя в захлавленную, засыпанную пакетами от жратвы и не слишком свежую берлогу Толстого, я понял: никакой жены тут давно нет. И скорей всего, никогда не было. Но говорить ничего не стал.

Толстый кивком указал мне на домашний терминал.

– В шесть мне привозят ужин. Закажи себе, чего сам хочешь. Я пока налью по паре капель...

«Интересно, – подумал я, разглядывая жилище, – куда Толстый девает деньги? Вроде за все это время получил от меня немало, да и не только от меня, а живет, как обычный честный служащий. Или просто шифруется, прячется от подозрительных глаз, бережет все до лучших времен?»

Он расчистил место на засаленном диване и предложил мне устраиваться.

– В общем, как водится, у меня две новости, – сказал он, наливая коньяк.

– Ну, начни с плохой, – вяло предложил я.

– А кто тебе сказал, что вторая – хорошая?

– Ну, тогда начни с самой плохой.

– Даже не знаю, как сказать... В общем, Грач, кончилось мое время. Понял, о чем я?

– Нет, – насторожился я.

– Просят меня, так сказать, на покой. На пенсию. Ясно тебе?

– Тебя – на пенсию? – изумился я. – Да быть такого не может! Толстый, ты же вечный!

– Оказывается, нет. Еще месяц – и ты меня здесь не застанешь.

– Толстый, ты что! На кого ты меня оставляешь, что я делать без тебя буду?!

– Не знаю, Грач. И предложить-то ничего не могу. Ну, покажу тебе пару ребят, с которыми вроде как можно столковаться... Но не ручаюсь. Молодые – они борзые все, наглые, просто ужас. Сам с ними договаривайся, я пас.

– Тебя – на пенсию, – не мог успокоиться я. – Уму непостижимо. А что, отодвинуть это событие никак нельзя?

– Ну, попробуй, – фыркнул он. – Напиши заявление руководству. Мол, с целью улучшения взаимоотношений таможенной службы с контрабандистами прошу вас...

– Я не контрабандист, – мягко поправил я. – Я таможенный брокер.

– А хоть и брокер... – Он безнадежно махнул рукой и залпом влил в себя коньяк. – Если честно, я и так здесь пересидел больше, чем надо. Да еще такие проходимцы, как ты, биографию подпортили. Не в упрек, конечно...

– Ай-ай-ай... – сокрушался я. – Еще столько вопросов осталось... А кстати, сколько тебе лет, Толстый?

– Да, знаешь ли, пятьдесят два.

– Сколько?! – ужаснулся я. – А мне все казалось, тебе чуть за сорок. Ты открыл секрет вечной молодости?

– Грач, какая, в жопу, молодость! Сердце стучит, как отбойный молоток, ссать по утрам больно, желудок работает сутки через двое... Что вечером покушаю, то утром в унитаже нахожу – в том же виде, только по кусочкам. Так что пора мне, Грач. Надо и отдохнуть перед смертью.

– Замолчи, дурень!

– А пока, – он плеснул себе еще, – хочу выпить, Грач, за тебя. За то, что ты мою старость худо-бедно обеспечил и осень жизни сделал бархатным сезоном.

– Толстый, да если б я знал... Да нам бы еще пару лет, и я бы сделал твою осень жизни золотой!

– Поздно! – Он махнул рукой и снова одним глотком опустошил рюмку, стукнув ею о стол. – Ты и так немало сделал, Грач. Позаботился о старике.

– Еще неизвестно, кто о ком больше позаботился, – с грустью возразил я. – Слушай, а может, я зря убиваюсь? Может, тебя поздравлять надо и радоваться?

– Вот уж не знаю, – его рука снова потянулась к бутылке. – Не знаю, Грач. Боюсь я, что утром проснусь – и не буду знать, что целый день делать. Ты же знаешь, у нас старикам не дают никакой работы. А почему?

– Потому что хватит уже, поработались.

– Не-ет, – он злобно рассмеялся. – Чтоб подышали скорей и не путались под ногами. Человечек без дела – это что? – пустое место. Сердце стучит, пока сам шевелишься. Насмотрелся я уже. Сколько раз бывало: сегодня пьем за пенсионный сертификат, а через полгода – за упокой.

– Ну-ну-ну, Толстый, это не про тебя. Придумаем мы, как твоему сердцу не дать успокоиться. Работы навалом, а с твоими-то возможностями...

– А вот это – извините... – он покачал перед моим носом пальцем. – Я и так от каждой тени шарахаюсь. Мне, Грач, от вашего брата тоже отдохнуть пора.

Мы выпили, некоторое время помолчали.

– И ты хочешь сказать, – произнес я, – что теперь наши дорожки совсем разбегаются?

– Ну, отчего же, – он кисло усмехнулся, – приезжай в гости, посидим, выпьем, поговорим.

«Кажется, ему тоже нужны друзья», – подумал я. А вслух сказал:

– А о чем поговорим, Толстый? А если мне твоя консультация понадобится, скажем так, платная – поможешь? Или решил напрочь завязать?

– Не знаю, Грач. Подумать мне надо, как жить. Сдается мне, что тут решать нужно, четко определить: либо я отошел от всех дел и спокойно ловлю форель, либо продолжаю месить ваше говно, решать вопросы, разруливать ситуации – и в оконцовке уезжаю отсюда в синем фургончике с бронированными стеклами...

– Ну, думай. Советовать не могу и давить на тебя не собираюсь. Сам все решай, Толстый.

Через пару минут привезли наш ужин, и Толстый занялся сервировкой. Посуда в его доме чистотой отнюдь не блистала, и я предпочел бы есть прямо из пластиковых лотков, но не стал обижать старика. В конце концов, мы сегодня вроде как отмечаем событие...

– Теперь давай вторую новость, – без энтузиазма предложил я, когда мы заморили первого червячка. – Я уже не жду ничего хорошего.

– Вторую новость... – он протяжно вздохнул. – Да ничего страшного, наоборот... Это вроде и не новость, а скорее предложение. Так сказать, финальный аккорд. Люди ко мне обратились, человечка ищут такого вот, вроде тебя.

– Что за люди, зачем человечек? – бесстрастно проговорил я.

Он сначала примолк, нервно барабанил пальцами по столу. Потом снова разлил коньяк.

– Да на самом деле ничего особенного. Кораблик один нужно провести через кордоны. Нужно сделать, чтобы по документам он ушел... куда угодно ушел. А на самом деле – на Дору-14.

– Дору-14? Что-то не припомню, – я полез в карман за блокнотом. Толстый без видимого интереса смотрел, как я тыкаю пальцем в экран, выискивая сведения про названную систему.

– Но она необитаемая, – сказал я наконец. – И к тому же находится в блок-зоне. Кому и зачем туда понадобилось?

– А разве это твоя головная боль? – слегка улыбнулся Толстый. – Ты кораблик-то проводи, он даже без груза. Дело пустяковое. А денежки серьезные.

– И какие там денежки? – с подозрением спросил я.

Толстый придвинулся и с преувеличенной внятностью, чтобы я ничего не пропустил, проговорил:

– Пять. Тысяч. Чеков. Глобал-финанс.

– Сколько-сколько? – у меня отпала челюсть.

– Пять. Тысяч, – повторил он. – Вот такой тебе от меня подарок.

Я откинулся на спинку дивана и крепко задумался. Толстый с кривой усмешкой наблюдал за мной.

– Нет, деньги, конечно, хорошие, – проговорил я наконец. – Но...

– Ну, что еще?

– Какие-то они слишком хорошие. Для такого пустякового дельца. Ты говоришь, маленький кораблик без груза?

– Так и есть. Провести его надо через Лунный терминал и дальше – через нуль-порт. Встречать не требуется.

– А тебе это не кажется странным?

– Что именно?

– Толстый, чтобы заработать пять тысяч, мне пришлось бы обеспечить зеленый коридор через полгалактики для парочки составных грузовиков с отборной контрабандой на борту. А тут – маленький пустой кораблик... и пять тысяч. Может, это непростой кораблик?

– Простой, уверяю тебя. А деньги... – он пожал плечами. – Заказчик хороший попался, не жадный. Плюс – возможно, реальных цен не знает. Ну и прекрасно!

Я испытующе посмотрел на него и покачал головой.

– Нет, Толстый, не прекрасно. Выкладывай все. Что это за люди и на кой леший им понадобилась совершенно мертвая Дора. Да еще и заблокированная миротворцами.

Он протяжно вздохнул и потер пальцами виски.

– Ну, зачем тебе все это, Грач, а?

– А затем, что я должен знать, во что ввязываюсь. Если они там что-то натворят, то я окажусь причастен, меня будут искать и найдут без большого труда. А когда найдут, припомнят многое.

– Что они могут натворить на мертвой Доре? – с усталой усмешкой проговорил Толстый.

– Понятия не имею. Может, это диверсионная группа – какую-нибудь летающую научную базу разгромить. Нашего брата и так обвиняют в развязывании Войны колоний. Если я замажусь в чем-то подобном... – я развел руками.

– На-ка вот, выпей коньячку... И не говори глупостей. Я тебе такого фуфла никогда не подсовывал.

– Ты меня знаешь, Толстый, я лучше буду говорить глупости, чем делать их.

Он глотнул из рюмки, раскурил в трубке какие-то душистые инопланетные травки и насмешливо посмотрел мне прямо в глаза.

– Собственно, ничего интересного ты не услышишь. Но все равно учти – я тебе ничего не рассказывал. Название «Ледяной гром» тебе о чем-нибудь говорит?

– Ну, слышал. Военно-транспортный борт. Потерпел аварию лет десять назад, еще в самом начале Войны колоний. Кажется, где-то за шестым радиусом. Вроде около тысячи погибших, да?

– Шестьсот сорок два, – уточнил Толстый. – Из них шестьсот тридцать – офицеры Отдельного истребительного полка «Лаванда». Элита военно-космических сил. Многие – дво-

ряне. И угробились они не просто в шестом радиусе, а именно в системе Дора-14... – он испытующе посмотрел на меня.

– И в чем тут интерес?

– С тех пор там никого не было, кроме протокольной группы от военных. Сначала шла война, теперь блокировка...

– Ах, вот оно что... – раздосадованно вздохнул я.

– Угу, Грач, такие дела. Ты вообще как относишься к охотникам за военными сувенирами?

– Да не очень, Толстый. Не люблю делишки, от которых мертвечинкой отдает.

– А ты особо не приноживайся, Грач. Собственно, они летят не за сувенирами, они...

– Я понял, Толстый, я все понял. Они «падальщики». Будут продавать кости дворянским семьям для захоронения. И, как ты знаешь, это совсем не мой профиль...

– А какая тебе разница? Твоя задача – провести судно через нуль-портал, договориться с кем надо. Вот твой профиль. А кости – это уже их профиль и их забота.

Я глубоко задумался. Толстый потянулся к бутылке, но та оказалась почти пустой, и он вышел за добавкой.

Когда он вернулся, я еще продолжал думать. У Толстого наконец кончилось терпение.

– Ну, ты что, в ступор впал на радостях? – произнес он. – Решай уже.

– Толстый, это очень хорошие деньги. Даже чересчур хорошие. И как раз это меня пугает.

– Тебя не поймешь... – пробормотал он.

– Эта работа – провести судно в блокзону – не стоит пяти тысяч чеков, – сказал я. – Либо ты мне что-то не договорил, либо они тебе не все сказали.

– Что мне не сказали? – с досадой поморщился он. – Что еще тебе мерещится?

– Да так, ничего. Я вот думаю, если только мне пять тысяч... Какая же выходит рентабельность у торговли покойниками?

– Не твоя это забота, – разозлился Толстый.

– Не моя? А если окажется, что меня, дурачка, поманят пачкой денег, а потом просто не заплатят? Жаловаться-то будет некому! Или, того почище, выкинут где-нибудь на орбите вместе с мусором...

– Ну, ты уж совсем, Грач... За пять тысяч – выкинут?

– Что это за люди? Ты хорошо их знаешь?

Он встал, прошелся по комнате.

– Грач, там... там нормальные люди. И я их худо-бедно знаю. Не те это люди, которые могут вот так, как ты сказал... с мусором...

– Что за люди, подробнее.

– Ну, ты слишком много хочешь! Достаточно тебе моего слова, что верить им можно?

– Нет, Толстый, недостаточно. Я должен на них посмотреть и пощупать.

– Так, ну все, успокойся! – он решительно уселся за стол. – Забудь! Не было разговора. Я эту работенку специально для тебя берег, но раз уж мы так боимся...

– Мы не боимся, мы осторожничаем, Толстый!

– Хватит осторожничать, давай просто пить, – и он придвинул мне рюмку.

Через несколько минут он увел разговор в другую сторону, стал сетовать, что не знает, как потратить отложенные деньги и получить от этого максимальное удовольствие. Я заверил его, что по части траты денег имею кое-какой опыт и, так и быть, помогу.

Важно, сказал я, не впасть в финансовое безумство и не пытаться сожрать больше, чем можешь. Нет смысла швырять деньги на дорогие отели, редкие блюда и экзотические развлечения. Это мишура, которая не стоит своей цены. Гораздо лучше простые, но вечные ценности. Например, уютный домик в хорошем месте. Собственный участок земли, катер, надежная машина. Вообще деньги должны давать независимость, а не поработать.

Настал момент, когда я вкрадчиво поинтересовался, нет ли у Толстого на примете парочки боевых друзей. Он расхохотался, потом сказал, что парочка друзей найдется, но мне они вряд ли понравятся. И по возрасту, и по комплекции, и по темпераменту – не мой тип.

– И вообще они обе любят меня, – сказал он, – и одна про другую не знают.

Я не сильно расстроился, поскольку не очень-то и рассчитывал. От выпитого уже подташнивало, и мы решили укладываться. Я устроился на том же диванчике, на котором сидел, лишь накрылся засаленным пледом.

Утром, проснувшись с несвежей головой, я долго плескался в теплой ванной, приводя организм в равновесие. Попутно обдумывал свои дела.

– Свяжи меня с этими странными людьми, – сказал я Толстому, выйдя из ванной после долгих раздумий. – Я еще не согласен, я думаю. Но в любом случае я должен на них посмотреть.

– Но, Грач...

– Только так, Толстый, – усмехнулся я. – Только так и не иначе.

* * *

Если меня спросят, как я отношусь к своей профессии, я отвечу – хорошо отношусь.

Я не считаю ее вредной. Я не считаю ее аморальной. Незаконная – да. Но тут уж извините – виноваты законы.

На самом деле я приношу людям пользу. Я помогаю обществу преодолеть идиотизм, помноженный на человеческое паскудство, которые мешают нормальным людям нормально развивать свои дела.

Мне это довольно приятно. Может быть, даже приятней, чем получать за это деньги. Приятно быть сильным и умным в среде, где другие (тоже, кстати, по-своему сильные и умные) теряют логическую ориентацию и веру в здравый смысл.

За эту приятность я оттарабанил два года в орбитальной тюрьме «Кантон Мэл». Государственный обвинитель на суде орал, что такие, как я, развязали Войну колоний.

Полная чушь. Такие, как я, могли бы предотвратить Войну колоний. Таких, как я, нужно было сажать не в тюрьмы, а в экспертные советы, в согласительные комиссии, даже в парламент. Таких, как я, нужно было внимательно слушать, а не наряжать в наручники.

Я мог бы это доказать любому умнику с ученым значком, дайте только десять минут свободного времени и учебник политэкономии.

Ну, да бог с ними. У них свои резоны, у меня – свои. Должен признаться, в моей работе есть один неприятный момент, который никакой философией и логикой не перешибешь.

Этот момент – знакомство с новыми заказчиками. Дело в том, что они уже загодя смотрят на меня, как на жулика. Они заранее знают, что моя работа – обманывать. И даже неважно, кого.

Я обманываю только государства. Как большие – начиная с Солнечной Федерации, так и всякую мелочь голопузую вроде новообразованных конфедеративных колоний. Это – дело нужное. Я давно и безвозвратно убедился, что любое государство – всего лишь кучка циничных и бессовестных людей, которые паразитируют на основной массе, забирая много и возвращая мизер. Так было тысячи лет назад, и сейчас ничего не изменилось.

Как только увижу не такое государство, перекавалифицируюсь в садовника. А пока буду делать то, что умею.

Два дня спустя после встречи с Толстым я стоял на площади Свободы в Кишиневе и глазел на верхушку двухсотэтажного здания, именуемого, соответственно, Пиком Свободы.

В Кишиневе было тепло, зима сюда еще не пришла. Солнечные блики отражались от мокрого асфальта и стеклянных граней небоскреба. На самой его вершине вращался стеклянный колпак, подсвеченный разноцветными лучами. Под колпаком располагалось заведение с

пафосным названием «Эскорт Палас». Местные, впрочем, называли его просто «Линза», это я выяснил еще в гостинице, когда спрашивал дорогу.

Именно там, в колпаке, мне и назначили встречу.

«Идиоты», – в очередной раз подумал я и сплюнул на мокрый тротуар.

Несмотря на внешнюю респектабельность, «Линза» являлась вечерним танцклубом для шальной небедной молодежи. Что там творилось каждую ночь, можно себе представить. Я бы и сам с удовольствием поучаствовал, окажись свободный вечер. На дверях подобных заведений обычно есть скромная наклейка с конопляным листиком. Это чтобы какая-нибудь скромная влюбленная парочка не зашла по ошибке попить кофе.

Сюда ходили не за чашечкой кофе. И уж, совершенно точно, деловые встречи здесь не назначали. Я всерьез подумывал, не бросить ли это во всех отношениях странное предприятие к чертовой маме. Развернуться и уйти. А потом позвонить Толстому и сказать, что он придурок, как и его партнеры.

Но Толстый никогда не был придурком. Только это меня и обнадеживало. Я протяжно вздохнул и направился к лифту.

К счастью, сейчас был день, и шальная молодежь еще не пришла, пожалуй, просто еще не проснулась. В ресторанном зале я увидел только двоих посетителей и легко догадался, что это именно они – мои новые заказчики.

«Идиоты», – опять подумалось мне.

Эти клоуны сидели за стеклянным столиком в форме сердечка и пили световые коктейли. Еще одно сердечко – голографическое – вращалось над столиком в качестве декоративной подсветки. Со стороны казалось, что два педика пришли поворковать.

Но они не походили на педиков. Один – широкий, сутулый, со спутанными рыжими волосами – напоминал только что проснувшегося медведя. Его напарник был, напротив, сухой, гибкий и, мне показалось, очень сильный физически. Лицо у него было совершенно неподвижное, словно картонная маска, и от этого выглядело безжалостным. Мне также показалось, что он здесь главный.

Обоим лет по сорок или больше. Судя по одежде, на матушке Земле они лишь проездом. На обоих бесформенные серые свитеры грубой вязки – такие любят в экипажах грузовых кораблей дальнего следования, где важна не эстетика, а тепло и удобство.

Видимо, этим и объяснялся выбор столь странного места для встречи. Ребята давненько не вращались в приличном обществе и просто не поинтересовались деловыми традициями, выбрав первое, что приглянулось.

Я поздоровался, мы обменялись парой осторожных фраз, чтобы окончательно убедиться, кто есть кто. Я сел за столик, с этого ракурса сердечко стало походить на задницу. И я находился как раз меж двух половинок. «Символично, – проскочила нечаянная мысль. – Но стоит ли считать это предзнаменованием?»

Они не представились.

– Выпьешь? – поинтересовался человек-медведь.

– Я сам, – вежливо улыбнулся я и постучал ногтем по столику, активируя панель заказов. Я выбрал только один пункт – черный кофе.

Они некоторое время с подозрением разглядывали меня. Как я и говорил, первое знакомство с новыми клиентами – тягостная процедура. Это потом они будут дружески мне улыбаться, хлопать по плечу и угощать пивом. Потом, когда я пару раз вытащу их из дерьма и помогу сохранить вложенные в предприятие деньги, они разглядят во мне ценного партнера и нормального человека. А пока я просто хитрожопый проходимец, по которому тюрьма плачет, а то и пуля.

Я тоже их разглядывал. Мне почему-то казалось, что оба они – бывшие военные. Или не бывшие... Это несколько обнадеживало, я знал немало военных. Во всех была одна ценная черта – предсказуемость.

Одно странно – военные в роли «падальщиков». Более чем странно. И еще – по виду они не тянули на пять тысяч чеков. Ну, никак. Я старался не расслабляться.

Подкатил робот-официант, похожий на старинную инвалидную коляску. Парни проводили его хмурыми взглядами, словно видели в нем лазутчика. Затем человек-медведь чуть придвинулся ко мне.

– Суть дела объяснять с подробностями или как?

– А как же! – я лучезарно улыбнулся. – Обязательно с подробностями.

– Сначала о деле, потом – о деньгах, – сообщил человек-медведь. – Так вот, нам требуется провести судно в блок-зону. Конкретно – система Дора-14, необитаемая...

– Что за судно – класс, тип, назначение, – прервал его я.

– Это старый транссистемный катер, – осторожно проговорил собеседник, покосившись на своего молчаливого товарища. – Тип – «резистор».

– Боевой катер? – я чуть не поперхнулся своим кофе.

– Был боевой. Теперь просто частный грузовичок. Очень шустрый, кстати говоря.

– Ладно, слушаю дальше, – сокрушенно вздохнул я.

– План такой: мы должны войти в нуль-канал, имея полетный план на любое другое направление, кроме Доры. Никто не должен знать, что мы отправляемся к Доре.

– Очень интересно, – усмехнулся я. – Если не ошибаюсь, блок-зона патрулируется не только вежливыми миротворцами, но и местными силами самообороны. И что будет, если какой-нибудь патруль, осатаневший от скуки в дальнем поиске, возьмет вас с фальшивым полетным планом? Даже если они сразу, увидев боевое судно, не врежут из пулемета... Кстати, чья это территория?

– По космополитическому реестру Дора-14 относится сразу к двум колониям – Новый Мельбурн и Алдания...

– Вот-вот, – кивнул я. – Алдания формально еще даже не вышла из состояния войны.

– Вообще-то вышла, – подал голос человек с лицом-маской. – По акцессионному договору от 15 октября Алдания введена в состав Нового Содружества.

– Не смешите меня, – я снисходительно поморщился. – Договоры подписывают те, кому это выгодно. А боевые корабли по-прежнему шкварят друг дружку за милую душу. Тем более в глубоком космосе, где приглядеть за ними некому. Алданцы прослыли самыми остервенелыми живодерами еще в первые годы Войны. И к сему дню они ни капельки не подобрали.

– Все не так драматично. Да и какой шанс встретить патруль на ничьей территории?

– Сами знаете, какой. Все нуль-выходы легко регистрируются... Ладно, это ваши проблемы. Но я должен знать, почему вы не хотите получить официальное разрешение.

– Разрешение на пролет через блок-зону, – сказал человек-медведь, – это полтора-два месяца хождения по инстанциям...

– Не стоит преувеличивать.

– И не думаю. Я знаю. А времени у нас – пара недель. Уже даже меньше.

– То есть за пять тысяч вы покупаете возможность лететь поскорее, – сказал я и, не выдержав, коротко рассмеялся. – Вам известно, что срочные документы можно оформить по коммерческой схеме, и это обойдется раз в десять дешевле?

– Только не в блок-зону, – покачал пальцем человек-медведь. – И второе. Мы летим, само собой, частным образом, а никаких лицензий не имеем. Нужно прикрытие: фирма или организация, у которой лицензия есть.

– Разве так трудно купить лицензию?

– Нам удобнее будет выступать как зафрахтованное судно. Только это должна быть реально существующая структура, занесенная в пограничные реестры, поскольку проверить будет просто. И еще нам хотелось бы избежать лишнего интереса со стороны антивоенной полиции...

– Особого дивизиона? – уточнил я.

– Вижу, ты в курсе, парень.

Я мог бы возразить и доказать, что мои услуги – далеко не самый удобный и дешевый вариант в данном случае, но понял – они просто наивно пытаются утаить правду. Ладно, никуда не денутся, скажут...

– И что же, дорогие партнеры, вам понадобилось в районе необжитой и неприветливой Доры?

Они переглянулись.

– Это касается только нас, – осторожно заметил человек-медведь.

– Да неужели?! А может, поделитесь? Я не любопытный, но если вдруг среди ночи ко мне ввалится полицейский спецназ и застегнет наручники – я же должен буду хоть что-то объяснить адвокату. И стоит ли пяти тысяч статья, которую мне впаяют?

– Какие наручники? – подал голос человек-маска. – Наша миссия абсолютно законна, никакой спецназ к вам не придет.

– А если законна – тем более, почему бы не сказать? И еще вопрос: с каких пор абсолютно законные миссии проводятся при участии... э-э... скажем, людей моей специальности? И где еще платят пятерку галактическими чеками за проход маленького кораблика через нуль-порт?

– А не слишком ли много вопросов? – неприязненно проговорил человек-маска.

– Уверен, господа, что вы обо мне спрашивали не меньше, когда проверяли мою кандидатуру. Теперь мой черед: желаю знать, в какое дерьмо я могу обмакнуться в ходе нашего конструктивного сотрудничества. Итак, что скажете?

– Что касается суммы, – неохотно заговорил человек-маска, – вас рекомендовали как человека, умеющего переправить что угодно куда угодно. И нам сказали о вашем большом опыте в этой области.

– Так и есть, – скромно подтвердил я.

– Так вот, мы не экономим на хороших специалистах. Важнее денег – успех экспедиции.

– Золотые слова, – умиленно прокомментировал я. – Все бы так говорили. А вы вообще кто?

– Я командир того самого катера.

– Командир?

– Э-э... Капитан, – поправился он. – Капитан Дэба.

«Ай, молодец, Грач! – удовлетворенно подумал я. – Они точно военные».

– Знаете, господин капитан, я, кажется, догадался, что у вас за миссия, – я решил, что самое время говорить начистоту. – Я неплохо знаю новейшую историю. И, если не ошибаюсь, где-то там, на безвестном астероиде, лежат обломки «Ледяного грома»?

Капитан быстро переглянулся со своим приятелем, в глазах его мелькнуло раздражение, потом – растерянность. «Так вам, клоуны, – злорадно подумал я. – Чтоб не держали меня за полного идиота».

– И тут возникает новый, в высшей степени странный вопрос, – продолжал я. – С каких пор военные занимаются промыслом падальчиков?

Эти двое просто оцепенели, и некоторое время стояла тишина.

– Видите, как много вопросов? – посетовал я. – Поневоле задумаешься, стоит ли лезть в дело, где столько неизведанного. И даже за целых пять тысяч.

– Мы не падальщики, – процедил капитан. Лицо его так и осталось неподвижным, ни один мускул не дрогнул. – Да, наша экспедиция не совсем обычная, она носит несколько неожиданный характер... ну... скажем так, мемориально-исторический.

– Ну да... – негромко хмыкнул я.

– Но, повторяю, мы действуем в рамках закона. Это траурная миссия, это, быть может, самый печальный наш вылет, но мы должны отдать долг памяти нашим боевым товарищам.

– Кажется, я сейчас заплачу от умиления. Но прежде скажите: если ваша миссия «мемориально-историческая», то почему Федерация не примет в ней дипломатического участия?

Капитан коротко вздохнул, потом покосился на своего рыжего приятеля.

– Объясни ему.

– Ты верно подметил, мы военные, – хмуро произнес человек-медведь. – И то, что с Алданием дружить пока не очень получается, – это тоже правда. А теперь смотри сам. Девять лет назад «Ледяной гром» в составе истребительной эскадры вылетел к Алданию, чтобы принять участие в подавлении колониального мятежа. Сегодня в кабинах штурмовиков сидят те, чьих отцов сжигали и наматывали на гусеницы федеральные войска. И тут появляемся мы, бывшие бойцы истребительного полка «Лаванда». Явились, стало быть, забрать своих покойничков. Наши имена, лица и, с позволения сказать, бывшие подвиги там известны. Тот мирный договор – он пальцем на стене сортира писан, ты и сам сказал. Если кто-то лишний узнает, что мы направляемся в алданский сектор, – боюсь, нас там слишком горячо встретят. Отсюда и вся наша секретность, неофициальность и прочее. Теперь все ясно?

– Ну... вообще-то не все, – не унимался я. – Представьте себе, предлагаемая вами сумма меня, конечно, радует, но еще больше пугает. Только не повторяйте эти милые глупости про мой выдающийся профессионализм. Если я получаю пять штук, то вы получите впятеро больше. И во сколько тогда обойдется вся экспедиция? Клянусь, это будет самая дорогостоящая похоронная процессия со времен фараонов.

– Это абсолютно не ваше дело, – довольно резко ответил капитан. – Вас не устраивает сумма? Назовите свою цену.

– Нет-нет, сумма хорошая. Но не люблю загадок. Вот сижу и думаю: неужели груда замороженных покойников так дорого стоит?

– Вообще-то, – капитан начал чеканить слова, – речь идет об останках боевых офицеров. Многие из них, кстати, дворяне. И есть люди, которым небезразлично, где найдет упокоение их прах. Забытый богом булыжник на краю Галактики – не самое лучшее для них место. Экспедиция финансируется семьями погибших дворян и Ассоциацией военных вдов. Достаточно?

Я грустно пожал плечами: понимайте, ребята, как хотите.

– И раз уж речь зашла о деньгах... – Капитан кивнул «медведю», и тот, сняв с запястья часы, протянул их мне.

– Здесь аванс, – сказал капитан. – Полторы тысячи чеков. Доступ забит в рубин на большой стрелке. Можете хоть сейчас обналичивать в любом банкомате. Номер счета на обратной стороне часов, под пленкой.

– Номер счета?! – Я часто-часто заморгал. – Вы смогли положить такую сумму на обезличенный счет?

– А вы сомневаетесь в наших возможностях? – парировал капитан.

Я взвесил часики на ладони и крепко призадумался. Полторы тысячи аванса – это уже не игрушки. Блеф? Да нет, какой им смысл? Прекрасно знают – если нет никакого счета, значит, я сразу соскакиваю и больше на их звонки не реагирую. Если деньги есть – я тут же их изымаю и растворяю на собственных счетах, чтоб уж не отобрали... И сбегать мне не резон – за такой куш из-под земли достанут, яйца отрежут и заставят их сожрать.

– Ну, так что? – нетерпеливо проговорил капитан.

«Они летят не за покойниками, – в этом я уже не сомневался. – На «Ледяном громе» было нечто такое, что не потеряло в цене даже сейчас, спустя почти десятилетие. Какой-то груз... Впрочем, это меня уже не касается...»

– Я беру ваш аванс, господа гробовщики. Ваша траурная процессия состоится.

– И что дальше?

– Через две недели, говорите, старт? Значит, через два дня у меня должны быть все данные на ваш катер – имущественные документы, технический паспорт, сертификат безопасности и все остальное, сами знаете. Во-вторых, мне нужен список экипажа. И не просто список, а полные кадровые файлы, вплоть до анализов мочи. И последнее – приготовьтесь, что будут еще кое-какие расходы. Но небольшие, – и я вальяжно улыбнулся.

– А когда мы получим полетный план? – забеспокоился человек-медведь.

– Разумеется, когда окажемся на нуль-терминале. В обмен на остальную сумму.

– Вы гарантируете, что его подпишут? – прищурился капитан.

– Я гарантирую, что вы уйдете на Дору, и никто об этом не узнает. Ну, почти никто. И вот еще: вы хоть догадались соскоблить со своей посуды армейскую символику?

Капитан коротко посмотрел на своего друга. Тот озабоченно наморщил лоб, потом сказал:

– Проверю лично.

Когда я уходил, он окликнул меня:

– Эй, постой. Я все хочу спросить: Грач – это у тебя фамилия или типа клички?

Я обернулся, на мгновение задумавшись.

– Ни то и ни другое. Грач – это судьба.

Орбита Плутона, нуль-терминал «Плутон» 10 ноября, 3-я смена

Я посмотрел в зеркало и кисло себе улыбнулся. Ничего не поделаешь, плохо переношу невесомость. Три дня в громыхающем, вонючем, насквозь промерзшем космическом ведре типа «резистор», да еще и в невесомости – это, скажу я вам, аттракцион на любителя. Больше всего добивал холодный сортир. Иногда казалось, что дерьмо замерзнет, не долетев до цели.

Что поделаешь – армейский катер, сугубо утилитарная вещь. Хорошо, что дальше эти сумасшедшие летят без меня.

Ладно, бледный внешний вид мне сейчас только на руку. Я открыл кейс и начал переодеваться. Через несколько минут из зеркала на меня поглядел уже другой человек. Скучный деловой костюмчик в полосочку, идиотские очки, прилизанные волосы на прямой пробор, мятый платок в нагрудном кармане и, наконец, апофеоз – галстук, темно-синий в тошно-творную лимонную клеточку. В сумме получился типичный менеджер-середнячок, забитый начальством, нелюбимый девушками, опекаемый мамой.

И какой мерзавец теперь посмеет заподозрить во мне афериста?

Прежде чем выйти к пограничникам, я открыл крошечную косметичку и нанес последние штрихи: болезненную бледность на щеки и темные впадины под глазами. Теперь придаем спине легкую сутулилку... Придирчиво взглянул в зеркало: воистину жалкое зрелище.

По большому счету, весь этот маскарад – отнюдь не самая важная часть моей миссии. Можно даже сказать, необязательная. И все же я ею не пренебрег, как не пренебрегаю никакими мелочами. Потому что знаю – стоит только обратить на себя хоть мизерное внимание, вызвать малейшую каплю подозрения – и мелочи разрастаются в нерешаемые проблемы.

Только бы теперь не встретилась какая-нибудь знакомая рожа.

Я немного опоздал: к моему приходу в трюме уже всюю шуровали пограничники. Собственно, это был не трюм, а боевая часть, из которой выскребли всю следящую, наводящую и стреляющую начинку. Объем освободился немалый, сюда вошел даже внеатмосферный четырехосный тягач и две летающие платформы.

– Наконец-то, – пробасил большой уса́тый лейтенант, когда ему вежливо указали на меня. – Вы отвечаете за груз?

– Извините. К вашим услугам, – я почтительно склонился, стараясь, впрочем, не переигрывать.

– Что тут? Саженцы? Какие, к черту, саженцы?

Тут я разглядел самое главное. Лейтенант не был пограничником. Две крошечные буквы, сплетенные в лаконичную монограмму на его погонах, вносили ясность. Эти буквы – ОС, что означает – Особый Дивизион.

Это плохо. Но пока не смертельно.

– Извините, – залепетал я, – это, к сожалению, не саженцы, это рассада. Рассада аравийского риса. Очень редкий сорт, к сожалению. Он очень хорошо приживается на Атлантии.

– Какой, к черту, Атлантии? Тут сказано – Тарнас.

– Извините, все верно, – заискивающе заулыбался я. – Тарнас – это звезда, название системы. А Атлантия – всего лишь планета этой системы. Она относится к мирам, особо пострадавшим во время боевых действий, и в соответствии с Федеральной аграрной программой...

– А вы кто – садовник?

– Нет, я, с вашего разрешения, транспортный менеджер. Вот, возьмите карточку...

– К черту карточку. А это кто такие? – он кивнул на наш экипаж. Двенадцать угрюмых физиономий, двенадцать пар пудовых кулаков. Бывший истребительный спецназ. Мой знакомый человек-медведь (как я уже выяснил, его звали Дэф) был среди них самым, если можно так сказать, стройным.

Когда я их впервые увидел, понял, что задача усложняется. Такие рожи, как магнит, притягивают внимание пограничников, полиции, всех проверяюще-карающих органов и служб.

– Это рабочие-агротехники, – виновато улыбнулся я.

– Садовники, – удовлетворенно кивнул лейтенант.

– Ну, к сожалению, не совсем, но... почти.

– А здесь что? И где капитан?..

Далее пошла стандартная процедура: лейтенант занялся паспортами, а двое таможенников приступили к сверке декларации и наличествующего груза. Еще на Лунной базе капитан Дэба спросил меня, какого лешего я забил трюм ящиками с землей. Я коротко и емко ему все объяснил. На Атлантию распространяется Федеральная аграрная программа, а все грузы, включенные в программу, даже частные, проходят только первичный досмотр. И, главное, имеют приоритетную очередность прохода через нуль-канал. Иными словами, если не случится непредвиденного, на нас быстро взглянут и отправят с глаз долой.

Я суетился у проверяющих под ногами, поминутно извинялся то за неровный пол, то за тусклую лампочку, всячески сожалел обо всем на свете, в общем, унижался изо всех сил. Я ждал, когда им это надоест, и они уберутся.

– О черт! – Один из пограничников зачем-то полез в контейнер с рассадой и, естественно, оказался по локоть в грязи.

– Извините! – Я бросился к нему. – К сожалению, рисовая рассада сохраняется только в среде семидесятипроцентной влажности и специального наполнителя...

– Хватит, пошли отсюда, – с ненавистью скомандовал лейтенант своим людям, подписывая полетный план. Остались только таможенники, но волноваться было уже не о чем. Через минуту один из них протянул капитану Дэбе подписанный план.

– Борт – на транспортер, – объявил он. – Любая свободная секция. Если поторопитесь, то уйдете в нуль уже минут через двадцать.

Одно дело сделано. Предстояло второе, куда более важное. Я сбросил дурацкие очки и, заговорщицки подмигнув капитану, ринулся в административную часть. Не сбавляя шага, включил и вставил в ухо телефон.

– Мымрик! Алло, Мымрик, ты меня слышишь?

– Я весь сплошное внимание, – прозвучало в ухе.

Мымрик – мой давний знакомый, оператор технической службы. Помнится, я неделю поил его абсентом и текилой, кормил натуральной бараниной и покупал самых сладких шлюх. В конце концов он проникся мыслью, что оказывать мне маленькие услуги не только увлекательно, но и чрезвычайно выгодно.

– Ты готов, Мымрик? Слушай внимательно, судно сейчас пойдет на транспортер. Бортовой номер – зет-четыре-четыре-восемь. Какие варианты?

– Есть вариант. Бросок через тридцать шесть минут. А вот и твой «зет», вижу, девятая секция. Сейчас мы его тихонько передвинем...

– Действуй, Мымрик! Сейчас я подойду, – я переключился на капитана Дэбу. – Капитан, как прошли контроль?

– Весело и организованно, – без эмоций ответил он. – Сейчас ползем по ленте.

– Через минуту-другую вас слегка качнет. Не пугайтесь, вас переместят на другой транспортер.

– Нашел, чем пугать.

– Капитан, если там попадетесь патрулю, знаете, что говорить. Потеряли ориентацию при выходе из нуль-канала. Такое сплошь да рядом. Направление совпадает, документы идеальные. Волноваться нечего. Бросок через полчаса с небольшим, из корабля носа не высовывайте.

– Поучи бабушку кашлять.

Я усмехнулся и погладил небольшой перстенок в кармане. В колечке – камешек, на камешке – три с половиной тысячи чеков. Можно устроить себе шикарный отпуск длиной годика в два. Нет, на два не хватит, только на полтора...

В технический сектор меня пропустили без особой охоты, но и без лишних вопросов – Мымрик, молодец, позаботился. Когда я вошел к нему в аппаратную, он не обернулся, только протянул руку:

– Мне нужна цифровая виза и маршрутный табель.

– Все готово, дружище, – я развернул перед ним веер из магнитных карточек, – выбирай любую, они все действительны.

Он, не глядя, взял одну карточку, считал с нее подпись и вернул обратно.

– Как жизнь-то?

– Как видишь, весь в движении, Мымрик. Некогда дух перевести.

– А надо бы. Давненько мы с тобой... дух не переводили.

– Переведем, Мымрик. Дай вот только дела раскидать.

– Собственно, у меня все, – он с весьма самодовольным видом откинулся на спинку кресла. – Судно в «отстойнике». Сейчас его пройдут техники, а через полчаса – прости-прощай. Рад бы с тобой поболтать, Грач, но... – он с сожалением взглянул на пульт, нетерпеливо подмигивающий сотней огоньков.

– Не буду тебе мешать, – с пониманием кивнул я, бросив взгляд на часы. – Завтра-послезавтра сообщу номер счета, получишь свое сполна. Может, наконец-то купишь себе чистую футболку...

Я вышел в пассажирскую зону, где глубоко и с чувством вздохнул. Теперь от меня ничего не зависит. Теоретически могу садиться на ближайший пассажирский транспорт, лететь домой и ни о чем не думать.

Однако для чистоты совести следовало дожидаться, пока катер уйдет в нуль-канал. Недолго думая я осел в ближайшем баре, заказав морской салат и виски с мандариновым нектаром.

В целом денек удался. Заказ можно было бы считать пустяковым, если бы не два обстоятельства. Первое – сам корабль, бывший военный катер, на который любой чиновник посмотрит косо. И это несмотря на то, что в ходе Войны колоний немало боевых судов было восстановлено и нашло применение на «гражданке». Второе – команда. Все двенадцать человек – отъявленные головорезы, и у каждого это крупно пропечатано на лбу. Выдавать их за «садовников» было просто мучительно.

Но, слава богу, все удалось. Мы не привлекли внимания, мы не вызвали подозрений, избежали детального досмотра, получили полетный план и благополучно встали на мембрану нуль-портала. А значит, я свои деньги отработал. Ну, почти отработал.

Нервишки все еще вибрировали, и я то и дело поглядывал на часы. Оказывается, прошло лишь пятнадцать минут, а я уже заказывал третью дозу выпивки. Особых причин для переживаний не было, однако обстоятельства... Большие деньги – большая ответственность, поневоле начнешь трястись.

Чтобы сделать себе приятное, я представил, как возвращаюсь домой, как заваливаюсь на любимый плюшевый диванчик и еще – как дарю своим девочкам что-нибудь такое... эдакое, сногшибательное. Позже придумаю, что.

Вспомнив про девочек, я спохватился: следует уже позаботиться об обратной дороге. Быстренько поймав линию доступа на свой блокнот, я углубился в полетное расписание и через

минуту-другую радостно потер ладошки. Через шесть часов к земле уходил грузо-пассажирский лайнер «Триумф», и в первом классе имела куча свободных мест.

А заказав билеты, я вдруг перенастроился на канал нуль-связи, поскольку мне нестерпимо захотелось позвонить домой и сказать, что я возвращаюсь. Есть у меня такая дурная привычка, от которой не скоро избавлюсь, – после любого большого дела потратить кучу денег на какую-нибудь дорогую, но совершенно ненужную ерунду. Сеанс нуль-связи – как раз такая ерунда, ненужная, но очень дорогая.

Мне ответила Луиза. Я увидел ее почти детское заспанное личико в обрамлении мелких рыжих кудряшек, и мое сердечко чуть дрогнуло. С удвоенной силой захотелось домой.

– Здравствуй, Лисичка. Я тебя не разбудил?

– Привет, Кролик, – с нежностью ответила она. – Ты где?

– Я очень далеко и очень скучаю. Но я скоро вернусь. А где Снежана?

– Сам за ней следи, – Луиза обиженно надула губки. – Убежала куда-то, ничего не сказала.

Может, нашла себе кого-нибудь.

– Лисичка, не говори глупостей. Снежана меня любит, и ей больше никто не нужен.

– Все равно я люблю тебя больше, а она... она просто так к тебе прицепилась.

– Ну, хватит. Когда же вы перестанете ссориться?

– А мы и не ссоримся. Но все равно, когда приедешь – меня первую поцелуешь, договорились? Ну, пожалуйста!

– Хорошо-хорошо, договорились. У вас деньги еще не кончились?

– Маловато осталось. Но если ты скоро приедешь...

– Я могу перевести вам сотню-другую чеков, если очень нужно.

– О-о, Кролик сегодня добрый... а вот и твоя Снежана явилась.

На экране появилась Снежана, она услышала меня еще от дверей и прибежала, даже не сняв сапожки и накидку.

– Кролик, привет! – она радостно замахала мне рукой. – Ты уже подъезжаешь, да?

– Ну... почти. Завтра-послезавтра, думаю, увидимся.

– А кто тебя так причесал? И где ты откопал такой кошмарный галстук, ты его сам раскрашивал? Кролик похож на грустного мертвого клоуна. Ты там не заболел?

– Я – в порядке. Это мой рабочий костюм, вроде скафандра. А зачем ты покрасила волосы? Я люблю, когда ты блондинка.

– Сегодня же смою, – поклялась Снежана. – А ты галстук тоже смой – в унитаз, пожалуйста.

– Ты, Кролик, спроси лучше, для кого она покрасилась, – ехидно вставила Луиза. – Явно не для нас с тобой, любимый.

– Вы обещали мне, что не будете ревновать и ссориться, – строго сказал я.

– Мы и не ссоримся, мы только притворяемся, – Луиза вдруг обняла Снежану и поцеловала в губы. – Нам троим лучше всех на свете, правда, Снежик? Только тебя, Кролик, не хватает. Подгребай скорей.

– Спешу со всех ног. Вы там придумайте что-нибудь вкусенькое. А еще у меня есть бочонок очень хорошего старого вина, специально приберег, чтобы отметить... – я запнулся, про дела не стоит болтать.

– Что отметить? – оживилась Снежана.

– Да так, дельце одно. Дома расскажу.

– Дельце, – разочарованно вздохнула Луиза. – А я думала, ты наконец сделаешь нам предложение.

– Сделаю, обязательно сделаю. А потом мы вместе полетим на Аль-Таир, и там нас поженят по местным законам. Я же обещал. Ну, прощайте, мои хорошие. Целую вас обеих, крепко-крепко, во все места.

– Но меня – первую! – напомнила Луиза, и экран погас.

Тут я наконец обратил внимание на какой-то негромкий, но очень навязчивый звук, напоминающий стрекот кузнечика. До меня дошло – в нагрудном кармане лежал телефон, который я вынул из уха, но не выключил. И из телефона уже битую минуту кто-то надрывно меня звал.

– Грач, черт тебя побери!!! – проорал мне в ухо капитал Дэба, едва я отозвался. – Живо на борт, у нас полный трендец!

– Что случилось? – ошалело проговорил я. – Никаких проблем быть не может. Вы ведь уже должны стоять на мембране.

– Давай, гони сюда, нас не выпускают в нуль-канал. Быстрее, это твоя тема.

Я выругался, как мне показалось, негромко, но официантка все же бросила на меня испуганный взгляд.

А вы говорите, не о чем волноваться!

* * *

Это было немыслимо. По всем правилам стартовая камера должна быть сейчас наглухо закрыта, над металлическими дверями должны мигать красно-оранжевые фонари, а индикаторы – отсчитывать минуты до старта.

Ничего подобного я не увидел. Только распахнутые двери и мирные зеленые сигнализаторы, словно в ближайшие сутки никто не собирается никуда лететь.

Еще больше я изумился, поднявшись на борт. В рубке ошивался уже знакомый мне усатый лейтенант. Перед ним стоял капитан Дэба и очень напряженно что-то говорил.

– Садовник! – лейтенант увидел меня. – Что у тебя тут за дела творятся? Я выхожу в пассажирскую зону, вдруг вижу – твои ребята гуляют, никуда не торопятся.

– Какие ребята? – изумился я.

– Да вот эти, – он кивнул на двух парней из команды, которые стояли неподалеку, затравленно глядя в пол.

– И что? – недоумевал я. – Им запрещено гулять? Из-за этого надо задерживать старт?

– Да я-то старт не задерживал! Я не понял, почему они не улетели. Ваш борт уже полчаса как должен был уйти в нуль-канал.

Я пожал плечами.

– Вам больше нечем заняться, как следить за исполнением расписания? – проговорил я, невольно выйдя из роли, которую совсем недавно примерял. – Борт ждет своей очереди и уйдет, когда положено. Так что советую его покинуть, а то отправитесь путешествовать вместе с ними.

Лейтенант испытующе посмотрел на меня.

– А что это мы такие наглые стали? Думаешь, полетный план подписан – и можно офицеру грубить? А что, если я ваш вылет задержу суток на пару? Для выборочной проверки, а?

Капитан Дэба уже переместился ко мне и порывисто нашептывал насчет денег, которые надо сунуть лейтенанту. Я не мог сосредоточиться.

– А я виноват, что у вас тут такой бардак? – с легким нажимом воскликнул я. – Обещали вылет через двадцать минут, а сами маринуете нас тут уже целый час!

– Никто вас тут не маринует, все полеты выполняются согласно расписанию, – тень сомнения вдруг мелькнула на его усатом лице. Он замялся, потом буркнул: – Сейчас проверю...

Он коснулся пальцем телефона в ухе:

– Мальцов, проверь время вылета для... для... – он повернулся ко мне и нетерпеливо махнул рукой. – Дайте транспортный код судна и номер полетного плана, живо!

– Сейчас, одну минуту, – проговорил Дэба и в замешательстве бросил взгляд на меня.

– Тяни время, – процедил я, а сам вызвал на связь Мымрика.
– Ну? – Мымрик отозвался так быстро, словно только и ждал вызова.
– Проверь мой борт, – тихо сказал я. – Текущее состояние и готовность к старту.
– Готовность – два, – безмятежно ответил Мымрик. – Состояние... хм, тут странно. Подготовка прервана на стадии загрузки субсистемных протоколов.
– Ну и как ее возобновить, эту подготовку?
– Да очень просто, – сказал Мымрик с некоторой осторожностью, если не сказать, с подозрением. – Взять и возобновить. А что случилось?
– Не спрашивай ни о чем, действуй! Возобновляй. Подожди, дай только с борта сойду...
– Ты на борту?! – взвился Мымрик. – Грач, что у вас там происходит?
– Действуй, говорю, позже поболтаем... – Я дал отбой, потому что увидел: усатый лейтенант пытается мне что-то втолковать, при этом выражение лица у него крайне неприятное.

Я переключил внимание на капитана.

– Так вот, – услышал я, – база данных сообщает, что вы уже пятнадцать минут как в нуль-канале. Что же это получается? И кто вместо вас ушел через портал?

– Да вы сами все напутали, а у нас спрашиваете! – истерическим голосом воскликнул я, стараясь максимально походить на взвинченного маменькиного сыночка. Мысленно я негодовал – капитан Дэба должен теперь мне вдвойне заплатить за это безобразие. Раздолбаи – нашли, когда выйти погулять из корабля.

В следующую секунду произошло то, на что я и надеялся, – в стартовой камере заголосила сирена, а люки озарились предупреждающим красно-оранжевым светом. Мымрик принудительно возобновил предпусковую подготовку.

Придав лицу вид деловитый и озабоченный, я заговорил менее дерзко, но не менее требовательно:

– Господин лейтенант, вы же видите – до пуска считанные секунды, идет обратный отсчет. Давайте хотя бы покинем борт и будем разбираться с этим недоразумением в другом месте. Пусть ребята спокойно улетят...

– Вот вы у меня спокойно улетите! – Лейтенант показал старым, как мир, жестом, что мои шансы отправить катер восвояси ничтожно малы. – Я задерживаю старт до выяснения.

Я был так увлечен препирательствами, что не следил за происходящим вокруг. А зря.

Команда как-то незаметно сгруппировалась вокруг нас и следила за эволюциями нашего общения с неослабевающим вниманием. Лейтенант заметил это первым и тут же почуял нехорошее. Он переменился в лице и протянул руку к наушнику.

– Мальцов... – только и успел сказать он.

В следующую секунду кто-то из команды сунул свой кулачище ему в живот. Лейтенант отлетел метра на полтора и скрючился на полу.

– Вали отсюда! – коротко приказал мне Дэба.

Можно было и не приказывать. Когда начинаются подобные игры, я покидаю сцену. Это не мои методы и не моя специальность. Просыпаться в полицейском изоляторе с разбитой рожей и кучей неприятностей впереди может кто угодно, только не я.

Я рванул к люку, который всеми своими лампочками и динамиками уже сигнализировал о последних секундах перед герметизацией.

Но я не придал значения живучести лейтенанта. Он вскочил мне навстречу и подсек ударом ботинка под колено. Зачем – я так и не понял, наверно, я просто оказался ближе остальных. Да и не важно это.

Важно то, что я на всем ходу перекувыркнулся и влетел головой в металлический выступ управляющей панели люка. В глазах заискрило, потом потемнело.

Попал бы я на полметра правее – вылетел бы наружу и покинул наконец этот чертов катер.

Но тогда бы я неминуемо погиб. Потому что просто не успел бы выйти из пусковой камеры. Люки закрылись, и мембрана выбросила катер в нуль-канал.

* * *

Мать вашу восемь раз через дугу и коромысло!!! Как же быстро нормальная и почти беззаботная жизнь может трансформироваться в полное дерьмо!

Десять минут назад я заказывал билеты в первый класс, вожделем встречи со своими нежными девочками, придумывал им подарки, пил виски с нектаром...

И вот – череда дурацких случайностей, в результате которых мы имеем буквально следующее: я посреди нуль-пространства с разбитой в кровь головой и выбитым коленом, я замешан в силовом похищении офицера особого дивизиона, у меня из всех вещей только идиотский галстук, на котором даже повеситься стыдно... И пробуду я здесь не меньше... о боже мой, не меньше трех недель!!! Если только не повезет встретить случайный попутный корабль на какой-нибудь опорной точке... нет, на такое везение рассчитывать вовсе уж глупо.

Вдобавок Мымрик остался без обещанных денег, и, скорее всего, особысты уже ведут его под локоток на серьезный разговор. Впрочем, Мымрик-то должен отмазаться, если не полный дурак. Я его инструктировал на этот счет.

А как отмазываться мне? Неизвестно еще, в какую историю меня втянул Дэба со своими головорезами.

Вдобавок к головной боли меня тошнило. Наверняка получил сотрясение. Все буквально плавало перед глазами... Впрочем, нет, это я плавал – невесомость! Ненавижу невесомость, ненавижу космос со всеми его тау-полями, поясами радиации, контролем давления, протечками конденсата, вибрирующим гулом в печенках, запахом преющей человечины, холодными сортирами и пластмассовой едой. Ненавижу!

Я кое-как дотянулся до ближайшей стенки, закрепился и наконец посмотрел вокруг. Как оказалось, экипаж не разлетелся по рубке, а находился там же, где я последний раз видел. И немудрено – у них магнитные подошвы. Это я, как последний идиот, оказался на боевом катере в лакированных туфельках.

И тут до меня дошло, чем они занимались. Они обрабатывали лейтенанта-особиста. Двое держали его за руки, третий проникновенно говорил:

– Будешь хорошим мальчиком – станем тебя кормить, поить и на горшок водить. А на ближайшей точке отправим обратно к мамочке. Начнешь шалить – поставим в угол. Вернее, подвесим. За яйца. И с мамочкой ты встретишься уже в другом мире.

Капитан безучастно смотрел на это со стороны. Кажется, в подобных вопросах он вполне своим людям доверял.

– Здесь ты не начальник, здесь ты тряпка помойная, – слышал я. – Манеры свои козлиные бросай, глаза таращить на нас не надо и усами тоже шевелить необязательно. Мы не боимся. Это ты должен бояться. Чуть кого огорчишь, тут же станешь небесным телом с бесконечным периодом обращения. Ну, уразумел что-нибудь, бедолага, а?

Раздался характерный глухой стук с последующим сдавленным стоном – особист получил под дых.

Капитан тем временем заметил меня. Щелкнув каблуками, он умело отделился от пола и поплыл ко мне.

– Классно выглядишь, – с чувством произнес он, оглядев мою залитую кровью физиономию.

– Спасибо, хотел всем понравиться, – буркнул я.

– Ну, что, господин Решение-Всех-Проблем, – он вздохнул. – Все идет как по маслу, да? Никаких неожиданностей, никаких неприятностей, а?

– Именно так и есть, – мстительно ответил я. – Наслаждайтесь полетом, пейте коктейли и листайте журналы. Слушай, командир, какого черта твои дуболомы покинули борт прямо перед стартом? Я же ясно сказал – нос не высовывать! В каком бою вам мозги поотшибало, скажи, если не трудно.

– Не твоего ума дело. Так было надо. Я приказал.

– Приказал... Ну, вот и получил. Интересно, ты в боевых операциях такие же умные приказы отдавал?

– Еще поучи меня командовать, умник хренов... – он как-то нехорошо ухмыльнулся. – Ладно, считай, что обмен любезностями окончен. Скажи-ка лучше, они там знают, куда мы летим? Можно проследить по протоколам направление броска?

Я ответил не сразу. Я задумался, стоит ли задешево отдавать ему эту информацию. Потом все же решил не выпендриваться.

– Разве я не гарантировал вам полную конфиденциальность? Никаких протоколов они не найдут. Мой человек все сделал... если успел...

Я снова вспомнил Мымрика, и у меня закололо под сердцем. Как он там, бедняжка?

– А если его хорошо допросят?

– А он, представьте себе, ничего не знает.

– Ну, ладно... – В голосе Дэбы просквозило заметное облегчение.

– А вас только это интересует? – кротко поинтересовался я. – А вас не волнует, что судно уже в розыске, а искать его будут целых четыре ведомства, причем неслабых ведомства. Вы и сами знаете, какие.

– Да... – Дэба лениво махнул рукой. – Пусть ищут. Космос – он большой, а мы маленькие. Поищут и перестанут.

«Ну, полные кретины, – поразился я. – Олигофрены, пыльным мешком по башке трахнутые...»

– Мы освободим тебе канал нуль-связи, – сообщил капитан. – Ты должен узнать, что сейчас происходит на «Плутоне». Пусть твой человечек все хорошенько разнюхает. Мне нужно быть уверенным, что там никто не знает нашего направления.

– Во-первых, мой человечек, скорее всего, сейчас уже в комнате для допросов. Скажи спасибо своим безмозглым гамадрилам. Во-вторых, я тебе ничего ровным счетом не должен. Ты заплатил, я отработал, все – вопрос закрыт. В-третьих, не лезь с разговорами, у меня, похоже, сотрясение мозга и дико болит голова.

Дэба фыркнул, потом крикнул своим:

– Док! Гребн сюда, разберись с новым пациентом, – он с жалостью поглядел на меня и напоследок пообещал: – Позже поговорим.

* * *

Все пять дней полета я промаялся в убогой тесной комнатухе с железной дверью и табличкой «Компрессор КР-600 – резервный». Возможно, компрессору тут было хорошо, а вот мне – нет. Тут нельзя было пошевелиться, чтоб не испачкаться ржавчиной и не порвать штаны об куски выдранных шлангов и арматурин.

Особисту повезло еще меньше. Его поместили в фургон транспортера и держали там под замком, как пса в конуре.

Мне не запрещали перемещаться по катеру, только не очень-то хотелось. Выбравшись в коридор, запросто можно было состыковаться лицом с вонючими носками какого-нибудь пролетающего мимо члена экипажа.

Весь полет я торчал в своей каморке, страдая от невесомости и утешая себя мечтами о том, какую колоссальную пьянку устрою, когда выберусь из передраги. Заняться было совершенно нечем. Спиртного на судне не держали. Книг – тем более. Первое время я пытался развлекаться с помощью блокнота, но и фильмы, и игры почему-то вызывали только сонливость.

Избытком свободного времени страдал не только я, однако остальные приноровились убивать это время самым безжалостным образом. Я наблюдал, как это происходит. Парни слетались в кучу где-нибудь под потолком боевой части, и начиналось:

- А помните, как Бивень ту бабу уговаривал на сторожевой вышке?
- Га-га-га!
- А помните, ревизора искупали в борще?
- Га-га-га!
- А помните...

Еще они возились с виртуальными подружками. Я частенько видел, как кто-нибудь зависал в любом углу с маленькой коробочкой и, глуповато улыбаясь, разговаривал с мультяшной девушкой на экране. Образы девушек и речевые модели создавали специально обученные психологи, поэтому пустые диалоги затягивали этих парней на многие часы:

- А я красивая?
- Ага...
- А тебе нравятся только красивые?
- Да всякие.
- Но красивые больше?
- Ага.
- А я красивая?..

Контактировать с экипажем не хотелось категорически. Я встречал их только в столовой. В первый день ко мне подсел парень, которого здесь все звали Крэк. Он имел грубую мужиковатую физиономию, маленькие, если не сказать, крохотные глаза и морщинки у рта от постоянной презрительно-недоверчивой усмешки.

Он несколько минут пытливо разглядывал мою забинтованную башку, потом с подозрением спросил:

- А ты случайно не еврей, бля?
- Если надо, могу побыть евреем, – осторожно ответил я.

Он помолчал, с сомнением глядя на меня, потом спросил, указав глазами на мою тарелку:

- Будешь жрать?

Он имел в виду ломтик редьки, который выдавался с каждой порцией пищи. Меня забавляла эта странная традиция на военных судах: на завтрак, обед и ужин обязательно какой-нибудь овощ. Не спелый помидор, конечно, а что легче сохранить: редька, морковка, репа.

– Кушай на здоровье, – кивнул я, и больше мы с ним особо и не разговаривали: о чем мне говорить с этим одноклеточным? Но почему-то в столовой он теперь выбирал место рядом со мной. Может, из-за дополнительной дозы редьки с морковкой, которые отныне я ему жертвовал?

Могу еще добавить, что в своем канцелярском костюмчике я тут постоянно мерз. И вдобавок выглядел как пугало.

Мне следовало подумать, как объясняться с полицией по возвращении на Землю, но эти депрессивные мысли я всякий раз откладывал на потом. И без того было тошно. Придет время – выкручусь, не все еще потеряно.

Незадолго до выхода из нуль-канала меня позвали на традиционный брифинг. Брифинги проводились всегда, даже если экипаж знал планету предстоящей высадки лучше, чем свою ладонь. Я не был членом экипажа, а скорее пассажиром, но игнорировать мероприятие не стал. Мне совсем не помешает знать, куда нас несет, а в справочнике толком ничего не прочитаешь.

Нас собрали в рубке, неохваченным остался только лейтенант-особист, который так и просидел в железном ящике весь полет. Я нашел уютный уголок в районе выхода вентиляционной шахты, где никто не задевал меня конечностями. Крэк увидел меня и, по обыкновению, попытался устроиться рядом, но удобного места не нашел.

– Приступаем, – объявил Дэба, вооружившись пультом трехмерного демонстратора. – Итак, наша цель – система Дора, желтая звезда величины один и шесть, плюс шесть планет. Система не освоена, пригодных для жизни планет не имеет. Нас интересует Бета Доры, а точнее, ее единственный спутник. Названия нет, поэтому в рабочем порядке принимается название Луна-один.

Луна-один – шарик диаметром семь тысяч километров. Вращается по выраженной эллиптической орбите, соотношение – один к четырем, апогей – двести шестьдесят тысяч километров, период обращения – около пятидесяти часов. Тяготение на поверхности – ноль сорок один «g».

Атмосферы нет, вулканической активности также нет, геологический состав коры ярко выраженных особенностей не имеет. Метеоритная опасность в пределах синего уровня. Реальную опасность представляют так называемые песчаные приливы – перемещения больших масс пыли, вызванные переменным гравитационным воздействием Беты. Впрочем, приливы происходят, как правило, в экваториальных зонах, а нам туда не надо.

... Живых снимков было мало, Дэба показывал нам в основном трехмерные модели. Разглядывая их и думая, какая беспросветная пустота и холод нас окружают, я с новой силой понимал, насколько ненавижу космос. Наверно, не было той власти, которая могла бы меня заставить, подобно нынешним невольным попутчикам, всю жизнь носиться среди безжизненных обледеневших булыжников-планет и столь же мертвых, хотя и горячих шаров, именуемых звездами.

Звезды хороши, когда разглядываешь их со своего балкона, прижимая к себе свеженькую подружку и прихлебывая коктейль. Вблизи они ничуть не привлекательны, скорей наоборот...

Не дай бог погибнуть где-нибудь здесь. Не дай бог самому стать обледенелым булыжником и целую вечность плыть в пустоте, глядя перед собой навеки застывшими глазами.

А ведь многие, очень многие так и погибли. «Ледяной гром», например...

По окончании брифинга капитан попросил нескольких бойцов задержаться. Им, надо думать, он собирался рассказать самое интересное, но меня к их секретам не тянуло.

В коридоре я задержал Крэка.

– Ты не расскажешь, как погиб «Ледяной гром»? – спросил я.

– А зачем тебе? – с подозрением спросил он.

– Как-никак по местам боевой славы путешествую. Хотелось бы знать предысторию.

– Какую тебе, бля, историю? – его глаза сощурились.

– Да не историю! Просто расскажи, интересно.

– Интересно, бля... – хмыкнул он. – Ну, могу рассказать... если так интересно.

Я думал, мы пообщаемся прямо в коридоре, но он сказал: «Приглашай, бля», имея в виду мою железную келью. Там, конечно, колени упирались в стену, однако я не стал возражать.

Крэк с усмешкой оглядел мое жалкое жилище. Надо сказать, что к тому времени я обзавелся кое-каким барахлишком. Народ из сочувствия тащил мне все, что было не очень жалко, – кто бритвенный приборчик, кто старые магнитные накладки для обуви, кто ветхий засаленный свитер.

Всю мелочь, чтоб не летала где попало, я держал в большом пластиковом пакете, привязанном к какой-то железке на потолке. Было здорово похоже на суму, с которой в глубокой древности бродили по дорогам нищие.

Крэк перевел взгляд на меня.

– Хреново выглядишь, – сказал он. – Болееешь?

– Я всегда болею, когда отлетаю от Земли больше чем на пятнадцать километров, – кисло отозвался я. – Ненавижу эти перелеты.

– Я думал, что, бля, при твоей профессии...

– При моей профессии, – оборвал его я, – нужно в теплой конторе сидеть и помощник за ляжки щипать, а дела решать через связь. А если приходится лично куда-то лететь, значит, дела пошли неправильно.

– Ну, ты грамотный, тебе виднее... Так ты про «Ледяной гром» спросил. Рассказываю, что сам знаю. Шли они на Алданию, с ними шло еще четыре таких же транспорта. Как положено, бля, с охранением, со всеми делами... На выходе из «нуля» их раскидало. «Гром» встретили алданские «иголки», охранение было еще далеко. Пока долетели, транспорт успел поймать в корму с десятков ракет и лишиться на хер половины рулевых. Пока оставшиеся двигатели кое-как еще коптели, командир пытался посадить судно на Луну-один, чтобы не притянуло к Бете, но не судьба. Кораблик просто начал рассыпаться. Шел над поверхностью, снижался, а из пробоин валились люди. Некоторые успели заскочить в скафандры, некоторые даже отстрелились в капсулах. Скорее всего, кто-то даже выжил и ждал помощи. Но помощь не пришла. Эскадра ушла на хер выполнять задание, а спасатели туда не сунулись. А когда сунулись, больше месяца прошло, осталось только бортовой журнал поднять. Вот и все, бля. Обычная история, ничего интересного.

– А ты в то время чем занимался? – осторожно поинтересовался я.

– Отдыхал в госпитале с воспалением надкостницы на позвоночнике. Профессиональная болезнь, продуло космическим ветром.

– Знал кого-нибудь с «Грома»?

– Кого-нибудь знал... – он кисло усмехнулся. – Честно говоря, весь мой взвод был там.

– А ты, стало быть...

– Ага, меня воспаление мое уберегло.

Я уже почти пожалел, что коснулся этой темы, но Крэк, кажется, воспринимал разговор нормально.

– И охота тебе туда лететь после всего?... – покачал я головой.

– А что, мое дело маленькое. Нам, бля, приказали – мы, бля, выполнили, нам заплатили – мы отработали.

– Приказали? Так вы вроде уже не военные.

– Ну, вроде не военные, а с другой стороны... Ну, ладно, – спохватился он. – Пора мне на пост херачить.

Не знаю, почему, но в этот раз мне показалось, что не такой уж он и дебил.

Система Дора-14, орбита Беты 15 ноября, 16–30 GTS

Из нуль-канала мы вышли весьма удачно: Луна-один виднелась без всяких телескопов в виде серой горошины, рядом с которой нависала багровая вишня – Бета. Была бы возможность, я б непременно поблагодарил Мымрика за точность расчетов.

Впрочем, уже через час выяснилось, что удача – дама не всегда верная. Я услышал встревоженные разговоры за дверью, которым сначала не придавал значения – ну, мало ли чего это неугомонные десантники опять галдят.

Но гомон не утихал. Я нацепил магниты, выбрался из своей норы и побрел в направлении рубки.

– Очень кстати, – отреагировал на мое появление капитан. – Тут как раз для тебя работенка наклюнулась.

– Моя единственная работенка сейчас, – вяло отозвался я, – лежать в койке и не отсвечивать.

– Ничего, придется и тебе размяться.

Оказалось, нас уже минут сорок прощупывает луч дальней локации. Чей – неизвестно, но догадаться было нетрудно. Судя по всему, фортуна подкинула нам встречу с алданским патрулем.

Вскоре версия подтвердилась: на пульт пришло сообщение-требование – остановиться для досмотра.

– Сможешь договориться с ними? – спросил у меня Дэба.

– Возможно. Но только если твои костоломы будут держать руки при себе.

– Я прикажу, чтоб они вели себя смирно, – успокоил меня капитан.

– Во-первых, мы еще не договорились, сколько я получу за сверхурочные, – требовательно произнес я. – Во-вторых, предупреждаю: если мы нормально договоримся, я улечу с ними. Через двое-трое суток уже буду на ближайшем нуль-терминале, а оттуда напрямик до матушки Земли.

– А если не договоримся?

– Ну да, вы все-таки настроены на немедленный мордобой, – устало вздохнул я.

Алданский рейдер показался на экранах только через два часа. Это было старенькое и здорово измочаленное суденышко, ничуть не лучше нашего. Неизвестно, кто из нас победил бы, случись поиграть в догонялки.

Началась знакомая процедура. Рейдер протянул к нашему катеру гофрированную кишку и штангу с захватом. Затем начал нас раскручивать, чтобы создать на борту какое-никакое тяготение.

Потом через кишку посыпались алданские пограничники в веселеньких желтых комбинезонах и блестящих шлемах. Было их шесть человек – достаточно, чтоб устроить в рубке сутолоку.

Я не спешил вступать в переговоры и смиренно стоял в дальнем углу с документами наготове. Мой маскарадный костюмчик порядком измялся за время полета и приобрел вид пижамы. И разбитая башка мой образ отнюдь не украшала. Я мог бы послужить иллюстрацией к учебнику «Как не надо вести дела».

Алданцы вели себя по-хозяйски. Все до единого были молодые – лет по двадцать максимум – и беспрдельно наглые. Они больше напоминали уличную банду, чем сторожевых маленькой гордой космической республики. Честно говоря, валять перед ними дурака мне было втрое противно.

Я лепил несусветную чушь про саженцы аравийского риса, про сроки вызревания и нежелательность задержек в пути, большую часть подробностей придумывая на ходу. Само собой, среди юных солдатиков не нашлось специалистов по агротехнике, и мое вранье нормально съездалось и переваривалось. В том числе и про неверный выход из нуль-канала.

Наглости у этих ребят, правда, не убавлялось. В какой-то момент они потребовали показать груз, и нам пришлось вести их в боевую часть. Видать, им было досадно, что в их сети угодили не враги республики, а жалкие землеройки с саженцами, и от отчаяния они стремились хотя бы отыграть сценарий до конца.

Все вроде бы складывалось удачно. Я продемонстрировал ящики с мокрой грязью, поймал на себе полные брезгливой жалости взгляды доблестных алданских военных, всунул их командиру в руку фальшивую визитку и даже предложил услуги по мелиорации и землепользованию. Похоже, я надоел им уже ровно настолько, чтобы постараться от меня избавиться.

И тут случилось непредвиденное. Впрочем, предвидеть можно все, но почему-то ни у кого не хватило на это мозгов.

Наш пленный лейтенант дал о себе знать. Похоже, он услышал отголоски разговоров, узнал хорошо знакомые ему профессиональные нотки и решил, дурачок, что рядом свои.

Он принялся молотить в железную стену будки ногами и что-то орать.

Я успел заметить, как Дэба переглянулся в Дэфом. От их взглядов у меня почему-то по спине пробежал холодок.

– Что у вас там? – мигом встал на дыбы командир алданцев – коренастый паренек с зачаточными усиками и слюнявыми губами. Он даже снял шлем, чтобы лучше слышать.

– Это ничего... это ерунда... – залепетал я, отчаянно глядя на капитана.

– Это борттехник под обшивкой, – сказал тот. – Срочный ремонт, видите ли...

Но алданцы оказались не такими идиотами, как нам хотелось бы. Командир подошел к фургону и приложил ухо к стальной обшивке. Особист внутри снова начал бесноваться и грохать ботинками.

– Немедленно открыть! – у пограничника даже голос изменился, и сам он стал будто выше ростом. Его ребята переглянулись, их пальчики шаловливо забегали по рукояткам пистолетов.

– Ага, сейчас... – неожиданно легко согласился Дэба, затем повернулся к своим бойцам и энергично мотнул головой.

Я и не понял, что произошло. Наши «садовники» одновременно пришли в какое-то странное движение, я словно оказался в центре водоворота. Вдруг командир алданцев тонко, как ребенок, ахнул и повалился на колени. Почему-то он начал трястись, словно ему было очень смешно. Один из наших опрокинул его на спину, затем присел на одно колено, навалился ему на грудь, и я услышал странный звук, словно кто-то ломал пополам арбузную дольку. Пограничник перестал трястись, глаза моментально остекленели.

Пока я пытался хоть что-то понять, на полу оказались остальные пятеро. Потом я заметил, как один из наших вытирает нож об алданский комбинезон. На оранжевой ткани оставались пятна крови.

– Вы что же такое творите, суки? – ошалело проговорил я.

На меня не обратили ни капли внимания.

– Бриц, Вареный и Жила – пошли наверх, – тихо, но внушительно приказал Дэба, и трое его бойцов неслышно покинули боевую часть. Я только через какое-то время понял, куда именно «наверх» отправил их капитан. «Наверх» – это на борт алданского рейдера, где оставалось еще несколько человек.

– Я с этим уродом разберусь, – сказал один из оставшихся бойцов и направился к фургону транспортера.

– Остановитесь, гады! – буквально завыл я. Потом я повис на спине у того, кто пошел разбираться с особистом. Меня отодрали, отшвырнули куда-то и некоторое время крепко держали за руки.

Я слышал, как грохнула задвижка на двери фургона, как изнутри донеслась быстрая возня, которая очень скоро прекратилась. Особист даже не крикнул, даже не застонал.

У меня перед глазами плыл желтый туман. Одно дело ошиваться по офисам чиновников, пить с ними коньяк и совать пачки денег в их бездонные карманы. Совсем другое – видеть, как на твоих глазах людей режут, словно баранов. Я к такому был просто не готов. Мне казалось, я умираю вместе с этими пограничниками.

– И меня тоже режьте! – орал я, как сумасшедший. – Кромсайте на хрен, рвите!

– Уберите интеллигента, – послышался равнодушный голос капитана Дэбы.

Меня просто-напросто взяли за шиворот и поволокли в мою компрессорную камеру. Чуть позже пришел Док и пшикнул шприцем, вгоняя мне в вену какую-то успокаивающую бурду.

Одно хорошо – спал я совершенно без снов.

* * *

Вторые сутки за обзорным экраном висела серая глыба Луны-один. Мы никак не могли сесть, рубка выбрасывала буи и проводила сложные навигационные расчеты, чтобы не промахнуть при посадке.

Я весь извелся. Не знаю, с чем это сравнить. Наверное, с наркотической ломкой, когда человеку плохо всегда, плохо вне зависимости от погоды, времени суток и политической ситуации в мире.

Я не вылезал из своего железного пенала, чтобы не видеть их рожи. Я считал, что к этим людям вообще нельзя подходить, никогда в жизни и ни при каких обстоятельствах. Это не люди.

Я просто плохо знал военный спецназ. Но разве это утешение?

Потом ко мне вдруг наведалься капитан. Некоторое время разглядывал меня с чувством безгливой жалости. Я забился в угол и смотрел в одну точку.

– Так и будешь маяться? – спросил он.

Что мне было ему отвечать?

– Ты же тут ни при чем, Грач. Это наши дела.

Лицо у него было, как всегда, картонное. Со мной разговаривал живой манекен. Впрочем, не очень живой. Просто говорящий.

– У нас приказ – полная секретность, – продолжал он. – А приказы мы выполняем очень хорошо. Тебя же никто не трогает. К тебе вопросов нет. Будет возможность – катись отсюда к чертовой матери и забудь все, что видел. Ты ведь забудешь, Грач? Точно забудешь. Сам знаешь, что о чужих делах лишнее помнить тебе совсем не с руки.

– Ты сам-то на что надеешься? – заговорил я. – Тебе еще отсюда улететь надо, а ближайший портал – как раз Алдания. Да и на Земле тебе припомнят этого лейтенанта.

– Ну, через алданский портал мы уходить не собирались, – Дэба приободрился тем, что я заметил его присутствие. – А Земля... пусть помнит. Мы – люди Вселенной, нам Земля не указ, не дом родной, не строгая мамочка.

– Вы уроды и убийцы, а не люди Вселенной. Вам людей резать нравится. Вы других методов знать не хотите. Зачем вообще меня позвали? Захватили бы «Плутон» штурмом, провели расстрелы среди персонала...

– Много ты знаешь, Грач, про наши методы, – жестко проронил Дэба. – Ты бы знал, какие к нам методы применяли. Твоя беда в том, что ты не прошел войну.

– Беда? Я думал, счастье.

Дэба помолчал немного, потом лишь презрительно фыркнул. Все правильно, говорить со мной бесполезно.

– Готовься к посадке, – сказал он. – Внизу найдем тебе какое-нибудь дело, пока ты совсем не рехнулся. Поэтическая натура, мать твою...

– В гробу я видал ваши дела и занятия! – крикнул я ему вслед. – Знал бы, кто вы такие, сдал бы вас дивизиону со всеми потрохами еще в первый день!

Пятью минутами позже меня посетили хмурые размышления: а в самом деле, кто они такие? Меньше всего они похожи на смиренных, боящихся каждой тени гробокопателей. Судя по повадкам и антуражу всей нашей затеи, я провел в блок-зону группу диверсантов. Правда, кому в голову могло прийти затевать диверсии в алданской вотчине, от которой у всех и так сплошные проблемы? Тонкости политики и экономики? Какие-то уж больно неуклюжие тонкости, даже для нашего шального времени.

Спустя полчаса ко мне заглянул борт-наладчик в грязном комбинезоне. Воровато оглядываясь, он протянул мне небольшую пластиковую канистру.

– Меня Крэк прислал, – заговорщицки сообщил он. – На, возьми, бедолага. Не мучайся. Специально для тебя из кислородного компрессора сливал. Много не пей, отравишься.

Это был технический спирт. Я буквально воспрянул духом – в канистре было ни много ни мало мое спасение. В ближайшие пять минут я раздобыл у кока банку консервированной воды и приготовил себе напиток. На вкус, конечно, невозможная отравка – просто агрессивная химическая среда, но кто сейчас думал бы о вкусе?

Пришлось проявлять изобретательность. Пить эту мерзость в невесомости было вдесятеро трудней, но я выдержал. Я, не теряя времени, надрался в хлам, заблевал свою каюту и отключился.

Вот так я и подготовился к посадке.

* * *

Садись, можно сказать, без меня. Я был в отключке. Один раз пришел в себя, когда нас тряхнуло при включении буферных двигателей. Еще раз блеванул горькой желчью, которая поплыла через каюту коричневыми пузырями, и снова ушел в тошнотворный мрак алкогольного отравления.

Мне было не так уж плохо. Я мог просто закрыть глаза и заснуть, а там, на той стороне, меня поджидали причудливые видения, в которых я плавал, подобно аквариумной рыбке.

Само собой, пробуждение было несладким. Но я и не ждал от жизни многого. В канистре еще плескалось пара глотков теплого спирта, и я путем немислимых ухищрений приготовил свой омерзительный коктейль. И сразу, набравшись смелости, влил в себя.

Сначала меня чуть не скрутило в морской узел. Потом пришла некоторая легкость. Я выбрался наконец из своего заблеванного убежища.

На меня смотрели со странной смесью отвращения и любопытства. Вылить в одно горло столько спирта – такого от меня, наверно, не ожидали. Слабый человек не смог бы. И законченный алкаш – тоже не осилил бы, ему хватило бы ста граммов.

Одним словом, я себя проявил и заработал какую-никакую репутацию. Правда, совсем мне ненужную.

На обзорных экранах я увидел кромку серых игольчатых скал. Мы стояли на ровной площадке приличных размеров – не менее пары километров в поперечнике. На поверхности

кипела работа – человечки в оранжевых скафандрах трудились над монтажом купола. Вся подвижная техника была уже спущена и готова к работе.

Меня больше всего радовала обретенная сила тяжести, пусть и не такая, как на Земле. Я мог почти нормально ходить. И мой желудок тоже радовался привычным условиям, хотя я и устроил ему взбучку.

Торчать в каморке уже не было сил. Какое-то время я слонялся по катеру, мозолил другим глаза. Я все ждал, когда нас переведут в купол. Там и просторнее, и теплее, и вони такой нет, как в этой летающей казарме. Маленькая иллюзия привычной человеку среды.

В одном из тамбуров я столкнулся с капитаном, он был в легком скафандре, с откинутым стеклом.

– Отдыхаем? – поинтересовался он, критически оглядев мой облик.

– Законный выходной, – пробурчал я.

– Ну-ну... А как насчет потаскать вместе со всеми ящики, нет желания?

– Никакого, веришь? – ответил я и побрел дальше.

И вскоре набрел на неожиданную картину. Впрочем, не такую уж неожиданную. Двое бойцов вскрыли панели на переборке и деловито доставали из тайника короткие штурмовые пулеметы.

Я посмотрел на них и рассмеялся.

– В кого вы тут палить собрались? Тут одни привидения. Или думаете встретить зеленых человечков?

Они переглянулись, потом один сказал другому:

– Надо ему еще налить.

Но я ушел. Я понял, отчего они так боялись встречи с дивизионом. Боевое оружие на борту – тема для серьезных неприятностей. Все сходилось на том, что я и вправду влез в какую-то военно-политическую заваруху. Будет Толстому от меня отдельная за это благодарность...

После ужина, который я хотел гордо проигнорировать, но не смог, капитан сообщил, что к куполу подведено питание и можно помаленьку переселяться. Я, конечно, в первые ряды не полез, однако про меня не забыли. Даже персональный скафандр нашли – облупленный, заскорузлый, тяжеленный и не совсем исправный. Судя по всему, этой модели исполнилось не меньше десяти лет, и на свалку она не попала только по большому везению.

Не в моем положении было привередничать. Я удовольствовался тем, что в куполе мне досталась небольшая, но уютная жилая секция с чистыми упругими стенами, под которыми бесшумно струился теплоноситель. И еще у меня было окно. В него я мог видеть наш катер, замерший на четырех растопыренных лапах, и часть далекого гористого пейзажа.

Меня не посвящали в планы работ, и я не знал, как долго капитан планирует заниматься тут сбором старых костей. Да и костей ли? Как ни крути, ручные пулеметы они взяли не для развлечения. Разве что последний салют отдать над обломками погибшего транспорта?

А если серьезно, то я от души хотел поменьше знать об этих людях и их делах. Никакой пользы или радости от посвящения в их тайны мне не грезило.

Тем не менее кое-какие странные детали на глаза мне попались...

* * *

Уже на следующий день мои друзья-гробокопатели собрались в первый рейс. В окно я видел только тягач, который стоял под брюхом катера и испускал в пространство струйки белого газа. Потом началось интересное.

В поездку собрались шестеро, у каждого к ранцу был прикреплен пулемет.

Кого, скажите на милость, можно подстрелить на абсолютно голой, мертвой планетке, которую люди не посещают десятилетиями?

Это было еще не все. На моих глазах в фургон погрузили несколько продолговатых ящиков, на вид очень прочных и надежных, а еще – так называемый кислородный бокс.

Кислородный бокс – тот же скафандр, только без рук и без ног. Коробка, в которой в основном эвакуируют тяжелых больных и раненых.

Черт меня подери, неужели через восемь лет после катастрофы «Ледяного грома» они надеются найти тут раненых?

Одним словом, как ни воротил я нос от дел капитана Дэбы, а невольный интерес все же поселился во мне и не давал покоя.

Экспедиция вернулась часа через три, я уже был тут как тут. Словно ненароком, я оказался возле переходных тамбуров, где Дэба встречал своих людей. Вернулись они, как мне показалось, возбужденными, если не сказать больше. Однако ничего узнать мне не удалось. Мое любопытство, похоже, было замечено, и все разговоры прошли за закрытыми дверями.

А вскоре ко мне снова прислали борт-техника со знакомой канистрой. Собственно, этого и следовало ожидать. Гораздо проще соблюдать секретность, когда единственное постороннее лицо валяется пьяное у себя в секции и не сует всюду нос.

Итого, у меня было два варианта поведения: либо шататься и мозолить всем глаза, либо коротать время за стаканом разбавленного спирта. Спирта уже не хотелось, вполне хватило первой канистры, чтобы почувствовать себя грязной свиньей. Но и вынюхивать чужие секреты мне быстро разонравилось: чего доброго, вышвырнут наружу без скафандра – подумаешь, одним покойником больше... Никто и не вспомнит на следующий день, что был тут такой Грач...

В общем, я решил вести себя скромнее. И на всякий случай делать вид, что пью безбожно круглые сутки – только успевай канистры новые подносить. Но все равно, я заметил, что моих ушей молчаливо остерегаются. Вплоть до того, что откровенно закрывают двери перед носом.

Надо сказать, они опрометчиво выделили мне секцию, где окно выходило прямо на катер. Я мог наблюдать каждый выезд, поскольку тягач всякий раз становился под брюхо катера на подзарядку. Ничего любопытного мне сначала не перепало.

Зато потом, на третий день, я кое-что подсмотрел. Тягач ушел, пристегнув обе леви-платформы, а вернулся груженный. Те же самые длинные ящики и тот же кислородный бокс, которые я уже имел счастье наблюдать.

Ящики были нагружены чем-то очень тяжелым. Это было видно по тому, как степенно качаются леви-платформы. И в кислородном боксе что-то было. По логике, не «что-то», а «кто-то», но такая логика тоже казалась весьма ущербной. Что живое можно отсюда увезти? Наши пока все живы и здоровы, им эвакуация в ящике не требуется.

Я, конечно, фантазировал, искал объяснения. Наиболее реалистичной была такая мысль: на Луне-один действует чья-то база – либо научная, либо военная, либо торговая. Чья – совершенно неважно и даже не предсказуемо. Контрабандисты, например, могут устраивать такие вот опорные точки где угодно, на любом забытом богом астероиде.

Видимо, это очень серьезные контрабандисты, если ради них организована такая рискованная и дорогостоящая экспедиция, больше всего напоминающая разведку боем. Даже не берусь гадать, что может выступать в роли того товара, для которого были приготовлены длинные ящики. Не говоря уж про бокс...

Заглянуть бы в стеклянное окошечко, что имеется на верхней крышке... Может, и представится шанс, но точно не сейчас. Бокс сразу погрузили в катер.

Впрочем, с чего я взял, что там человек? Мало ли какую органическую субстанцию они хотят вывезти? Рассаду аравийского риса, если уж на то пошло...

Заснуть мне в этот вечер удалось с большим трудом. Во время ужина купол вдруг бесшумно качнуло. Бойцы перестали есть и переглянулись. Кто-то напомнил, что вулканов и землетрясений нам здесь не обещали.

Потом вошел Дэф и объяснил, что в ста двадцати километрах от нас случился сдвиг большой массы грунта – тот самый песчаный прилив. Хорошо это или плохо – никто так и не понял.

Позже, когда я лег спать, земля снова покачнулась. Я – человек к землетрясениям непривычный, поэтому слегка испугался. «Слегка» обозначает буквально следующее: я вскочил на койке, судорожно схватил подушку и прислушался – не объявят ли тревогу.

Тревоги не было. Лишь кто-то обменялся парой реплик в коридоре, и все стихло. Но ненадолго. Еще несколько часов слышались какие-то шумы, шорохи, а наше хрупкое жилище то и дело едва заметно вздрагивало. Так спать я не мог, увольте. Мне пришлось прибегнуть к помощи своего кошмарного коктейля. Таким образом, лишь через четыре часа я с грехом пополам отключился.

* * *

Коктейль имел, как водится, двойное действие. Но пробуждение принесло мне не только мусть в голове, но и жуткий сюрприз.

Проснувшись, я ощутил какую-то странную тишину. Еще не одеваясь, я выглянул из секции – в коридоре было пусто. Недоуменно похмыкав, я прошелся от стены к стене, и вдруг мой взгляд упал на окно.

Первые секунды я никак не мог взять в толк, что там изменилось. Но потом понял. И реальность оказалась страшна: катера не было на месте. Вообще ничего не было – ни тягача, ни ящиков из-под оборудования, еще вчера лежащих аккуратными штабелями.

Я, как был в одном исподнем, выскочил в коридор и пробежал по нему, заглядывая в помещения. Ни единого человека увидеть не удалось, более того, ни один прибор не работал. И вообще везде были следы поспешного отбытия.

– Козлы!!! – вырвалось у меня из груди. – Уроды, ублюдки, скоты!!!

Уж лучше бы меня пристрелили во сне. Не по-людски вот так оставлять человека на голой планете, без шансов выжить, а самым тайком бежать. Лучше сразу убить, если так уж бояться за свои сраные секреты.

Я ходил от двери к двери, выл, как пес на луну, матерился и стучал кулаками в стены – что мне было еще делать?

Потом вдруг за спиной у меня послышался недовольный голос:

– Чего орешь-то как резаный?

Я рывком обернулся. В коридоре стоял Жила, в скафандре, но без шлема. Я, видимо, смотрел на него как-то странно, он даже в лице переменялся.

– А... Ты откуда? – выдавил я.

Он осуждающе покачал головой.

– Допился... Давай собирайся. И штаны не забудь надеть.

Он повернулся, намереваясь куда-то идти, но я одним прыжком нагнал его.

– Стой! Ради бога, стой! Что происходит? Где все?

– Да не лапай! – он увернулся, брезгливо поморщившись. – Меняем место дислокации. Пылевой прилив сюда идет.

– Прилив? – я хлопал глазами. – Куда идет прилив? Где все, ты мне скажешь?

– Да что ты разорался?! – он с досадой оттолкнул меня. – Почти все уже на новом месте. Мне только оборудование кое-какое надо перевезти на тягаче. И тебя вот тоже.

– А чего вы меня раньше-то не разбудили?! – возмутился я.

– Ага, тебя разбудишь... Будили.

– Не уезжай без меня, ладно? – я помчался одеваться.

Жизнь сразу расцвела розовыми кустами. Я даже про головную боль забыл. Самым трудным для меня сейчас было в одиночку справиться со скафандром, но я уж постарался. Я успел отметить на приборе подозрительно низкое давление кислорода, похоже, старенькая система элементарно «сифонила». Но эта проблема была вовсе не катастрофическая. На полчаса хватит точно, а больше и не надо.

Выйдя через тамбур, я довольно долго искал тягач. Шлем не позволял крутить головой, как хочется, приходилось все время переступать. А в тяжелом неуклюжем скафандре это быстро не получалось. Наконец я услышал в шлемофоне насмешливый голос:

– Еще на тридцать градусов правее и тридцать шагов прямо, – в следующую минуту я увидел тягач.

Оказалось, Жила здесь не один, рядом с ним обнаружили еще две фигурки в скафандрах, они работали с погрузчиками, заполняя фургон контейнерами. Я слышал, что они переговариваются по радио, но никак не мог понять, кто это из бойцов. Знакомству с экипажем, как вы понимаете, я внимания уделял совсем мало.

Пока я плелся, они почти закончили.

– Куда мне – в фургон или в кабину? – спросил я.

Почему-то мне не ответили. В фургон, где совсем недавно прикончили лейтенанта, мне лезть совсем не хотелось, и я решил проявить самостоятельность.

– Грач, лезь в кабину, – неожиданно сказал Жила.

– Уже! – отозвался я.

– Слышишь, или ты уши свои уже пропил?

– Да слышу, слышу. Лезу в кабину.

– Грач! Алло!

Я сполз с лестницы, обошел вокруг кабины и встал прямо перед Жилой, похлопав себя ладонью по груди.

– Вот я. Лезу в кабину. Уже бы залез, если б ты...

– Что ты там губами жуешь?

Тут я запоздало понял: у меня, вдобавок ко всему, не работала рация. Вернее, работала, но только на прием.

Я постучал перчаткой по шлему в районе уха и покачал головой. Жила понял этот немудреный жест и махнул рукой.

– Обожди-ка, – сказал он. – Помоги платформы зацепить, а то ребята уже в фургоне.

Леви-платформы покачивались в полуметре от поверхности рядом с тягачом, и подтолкнуть их мне не составляло большого труда. В одной были сложены газовые картриджи, в другой какие-то приборы с наскоро смотанными шлангами и проводами.

Жила как раз закреплял первую, помогая себе небольшим молоточком, когда по ногам прошла довольно сильная дрожь. Жила только что-то буркнул, зато у меня снова зашло от испуга сердце. Я на всякий случай посмотрел по сторонам, на сколько давал шлем... и тут я увидел такое, что звуки едва не застряли в горле.

– Жила... Жила, смотри! – заговорил я, забыв, что он меня не слышит.

Тогда я потряс его за плечо и показал, куда смотрел сам...

Плато, на котором мы расположились, осыпалось. Начиная с самого дальнего от нас края, оно становилось все меньше и меньше. Оно опадало, словно берег, подмытый течением.

Жила отшвырнул молоток, заметался на месте, потом кинулся к кабине, не забыв крикнуть мне: «Живо за мной!»

Ему было хорошо, он в своем легком и удобном скафандре мог скакать, как акробат. Когда он уже запрыгивал на подножку кабины, я только сделал пару коротких шагов. Он включал двигатель, успевая одновременно связываться с катером:

– Рубка, я Черепашка, у нас оползень, – слушал я у себя в шлемофоне. – Как слышите? Увожу технику, сделаю, что успею. Постарайтесь нас забрать как можно скорее...

Краем глаза я заметил, что наш купол вдруг начал оседать на одну сторону. Из-под прижавшейся стены выглянула черная трещина с быстро осыпавшимися краями.

Едва я зацепился за трап кабины, Жила ударил по педалям. Он не учел, что под нами уже не прочный камень, а жидковатая рассыпчатая каша из слежавшихся комков пыли. Тягач, вместо того чтобы плавно тронуться с места, вдруг пошел юзом, потом резко просел на левую сторону. Мои попытки пролезть в кабину увенчались крахом. Наоборот, от неожиданного рывка пальцы разжались, и я отлетел метра на два от машины, покотившись по поверхности.

– Черепашка, доложите о ситуации! – бился о стенки шлема голос рубки. Одновременно в эфир лезли голоса двух бойцов из фургона, которые тщетно пытались выяснить, что происходит.

Жиле в тот момент было не до переговоров. Он изо всех сил старался вывести тягач из пылевой воронки, куда его буквально засасывало.

Я как-то сумел подняться, хотя в моем скафандре это было очень нелегко. На мгновение я потерял ориентацию в пространстве, не мог понять, в какой стороне тягач и куда мне двигаться.

Наконец увидел. И тут же понял, как мне повезло, что я так и не попал в кабину.

Тягач лежал на боку, бешено вращая колесами. Вернее, не лежал, он тонул. Тонул в зыбучей пыли, как в болоте. В ушах стоял невыносимый шум, все что-то кричали – и Жила, и двое парней, оказавшихся в закрытом фургоне, и связист из рубки.

Мне было ясно лишь одно: еще несколько секунд, и я сам окажусь в таком же положении. Пока еще кое-где вокруг была твердая поверхность, но ее становилось все меньше, плато разваливалось, как непеченный пирог.

Я, не думая о логике, рванулся в сторону скалистых уступов, внушавших своим видом чувство надежности и незыблемости. Впрочем, «рвануться» мне не позволял костюмчик, правильное будет сказать, что я сделал робкую попытку ползти. И тут же понял, как смешны мои надежды. До уступов, на глаз, было метров двести, но пересчитывать расстояние с поправкой на эффект безвоздушного пространства меня никто не научил.

Сказать, что я был в панике, означает ничего не сказать. Я куда-то карабкался, выбивался из сил, а вокруг все качалось и проваливалось, словно мир падал в преисподнюю. И тут меня что-то толкнуло в спину. Я бы и внимания не обратил, но рука зацепилась за нечто прочное.

Это была одна из леви-платформ, она все еще болталась на поверхности, как коробок в водовороте. Я вцепился в нее обеими руками и неимоверным усилием перекинул свое тело, отягощенное скафандром, через невысокий бортик. В моем положении это был самый оптимальный, с точки зрения инстинктов, поступок – опереться о какой-то прочный островок в бушующем мире. Что дальше – я не знал, да и не думал. Какие-то мгновения я наблюдал, как окончательно гибнет наш тягач: с него уже сорвало фургон, а из песка торчала только корма и задние колеса. Я ничего не слышал, никаких голосов в эфире, только сплошной свист, который существовал, видимо, только в моей голове.

По платформе болтался один-единственный газовый картридж, от которого в этом положении проку было никакого. И вдруг я понял, что прок есть. Вернее, не я это понял, а кто-то внутри меня – более умный, сильный и спокойный, чем я. Этот кто-то моими руками взял картридж и со всего размаху (откуда только силы взялись) саданул клапаном по краю платформы.

Хрупкий алюминий удара не выдержал, из пробоины шибанула мощная струя жидкого этана. Импровизированный реактивный двигатель действовал не более пяти секунд, но за это время платформу успело отнести метров на сто пятьдесят, и еще на столько же – по инерции.

Здесь не было светопреставления. Платформа мягко стукнулась о какой-то валун и остановилась. Подо мной была надежная кристаллическая порода, голубовато-серая с искринками

кварца. Я смотрел на нее, свесившись с борта платформы, словно не веря. В тот момент меня ничего не интересовало и не радовало, кроме этой прочной корки, по которой можно бегать, прыгать и не бояться потерять самую главную опору.

До сих пор я верю, что самое страшное в мире – это когда под тобой колыхнется земля. Потому что, когда твердыня становится зыбкой, не веришь уже ни во что.

В следующую минуту я понял, что в эфире слышен только голос связиста. Рубка тщетно зывала к своим: «Черепашка, я Рубка, доложите обстановку... доложите обстановку...»

Докладывать, насколько я понимал, было уже некому. На всякий случай я попытался вызвать рубку, и даже пару раз стукнул по шлему кулаком – вдруг рация заработает, – но успеха мои действия не имели.

Я не особенно волновался. Я знал, что Дэба немедленно поднимет катер в небо, прочешет все окрестности в поисках живых. Или хотя бы неживых... Надо полагать, я буду не тот спасенный, которому они очень обрадуются, но что поделаешь...

Оставалось только сидеть на месте и верить в свою судьбу. Или в то, что платформа имеет какой-нибудь скромный радиомаячок... А даже если и не имеет, найти меня нетрудно – я ведь совсем рядом с погибшим лагерем.

Между тем местность, где стоял наш купол, изменилась до неузнаваемости. Вместо уютного ровного плато образовалась впадина, похожая на песчаный карьер. Само собой, ни от купола, ни от тягача не осталось ни малейших следов.

Меня сильно беспокоила проблема кислорода. Если система подтекает, то и приборы врут. Судя по приборам, мне оставалось дышать час с небольшим, но кто мог гарантировать хотя бы этот час? Никто. Разве что господь бог, с которым, впрочем, я не имел связи, как и с основной командой.

Я лежал на спине, расслабившись, и старался дышать пореже. Можно было подстраховаться и сложить из камней гигантское SOS, но я сильно сомневался в разумности такого поступка. Выдохнешься, потратишь весь дыхательный запас, а то и покалечишься или скафандр повредишь... Нет уж, лучше спокойно ждать спасения, слушая в шлемофоне монотонные вызовы: «Черепашка, я Рубка... Черепашка, я Рубка... доложите обстановку...» Говорят, спецназ своих не бросает, а я в какой-то мере свой.

Я начал думать, как расскажу своим девочкам об этих ужасных приключениях, как будут они смотреть на меня с тревогой и обожанием, а Луиза, скорее всего, расплачется, она у меня такая чувствительная. Я обниму ее, поцелую в рыжую макушечку и скажу: «Не плачь, малышка, все уже закончилось, я с вами...»

Я так углубился в свои сентиментальные мечты, что едва не пропустил новое сообщение с катера. А когда вслушался, просто окаменел от ужаса. Голос из рубки донес до меня буквально следующее.

«Черепашка, я Рубка. В связи с недостатком топлива мы прекращаем поиски. Если вы живы, то знаете, что делать. Держитесь, мы вернемся».

Они повторили это раз шесть. Я сначала просто слушал, не веря своим ушам. Потом, когда в эфире наступила мертвая – иначе и не скажешь – тишина, меня прорвало.

– Стойте!!! – орал я, забыв про экономию кислорода. – Стойте, не улетайте, я здесь! Я жив, не улетайте, я же тут подожду!!!

Что я только не делал. И стучал кулаками по шлему, и тряс головой, и трепал какие-то внешние разъемы на скафандре. Чуда не случилось, рация не заработала. Я и руками махал – вдруг увидят, как маленький человечек беснуется далеко внизу.

Но вся штука заключалась в том, что я-то их не видел. А катер – объект побольше, чем человечек в скафандре. То ли они не там искали, то ли... да какая теперь разница!

* * *

Минут через десять мои силы иссякли. Наступило какое-то неестественное спокойствие, голова стала подозрительно чистой и холодной. Наверно, небо ниспослало мне мужество, чтобы достойно встретить смерть в полном одиночестве.

Я вылез из платформы, сделал несколько неспешных шагов наугад, неторопливо огляделся. Мне казалось, что я должен идти. Неважно, в какую сторону, неважно, что в никуда. Главное – быть в движении. Поставить какую-то цель и стремиться к ней до последнего вздоха. Это легче, чем отмерять минуты до неминуемой смерти от удушья.

Есть и еще вариант: отщелкнуть замки шлема и уже не мучиться. Но к такому подвигу я был морально не готов.

Я пошел. Поднявшийся над горизонтом край Доры светил мне прямо в спину, я отбрасывал длинную контрастную тень. Казалось, что я не посреди огромной каменистой равнины, а в помещении, где поставили очень яркие прожекторы.

Ходьба моя была, прямо скажем, не быстрой. И силы – не бесконечными. Через пару минут мне пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Почему-то слабая сила тяжести ничуть не облегчала жизнь.

И тут я увидел перед собой две широкие параллельные полосы, уходящие далеко-далеко.

Не сразу я понял, что это колея – следы, оставленные нашим тягачом во время очередного выезда. Я внимательно рассматривал их, а в голове что-то вертелось, какая-то ускользающая мысль, очень важная, может, даже спасительная.

И тут я понял. Они в последнем сообщении сказали: «Вы знаете, что делать».

В мозгу сложилась стройная картина, которой следовало нарисоваться гораздо раньше, когда сил и нервов у меня было побольше.

Они же куда-то ездили. И привезли оттуда кислородный бокс с содержимым. Значит, там есть кто-то живой. Или что-то живое: ну, растения, кислород, мало ли...

Мне надо было всего лишь идти по следам тягача... Только вот сколько идти? Если полчаса, то нормально. А если полдня?

Затея более чем сомнительная. Шанс – один на миллион. Зато появилась цель, к которой можно стремиться до последнего вздоха. Только что не было никакой надежды – и вдруг вот она! Я прямо-таки воспрянул духом. Даже силы откуда-то появились.

И я пошел снова. Пошел по дороге, оставленной надежной и совершенной машиной, придуманной десятками умных людей. Только где она, эта машина? Нет ее больше. А я пока есть и что-то делаю, как-то пытаюсь спастись. Нет на свете машины надежнее человека.

Я шел долго, по крайней мере, мне так казалось. Мысли об остатке кислорода и заряде батарей скафандра я старался гнать прочь. Вместо этого представлял себе, что может ждать меня в конце пути. Представлялся стационарный купол, окруженный сигнальными мачтами, парочка челноков на летном поле, рабочая суeta, люди, кухня, связь...

Не следовало, правда, забывать, что мои попутчики ездили туда с пулеметами наперевес. И ласковый прием мне вовсе не гарантирован.

А может, там и нет ничего... Может, наткнусь я на мерзлые обломки «Ледяного грома», да там и останусь навечно, всеми забытый, никем не похороненный. Странно, почему Дэба посадил катер так далеко от места крушения... конечно, если его вообще волновало это место. То, что экспедиция у нас была не похоронная, глупо было даже сомневаться. Но никто не отменял версию, что Дэба со своими людьми пришел, чтобы подобрать какой-то важный груз с «Грома».

Не повезло нам. Наверняка рубка проверяла грунт, прежде чем сажать катер, однако мало какая аппаратура с орбиты отличит камень от плотно слежавшегося песка. Странно, что мы сразу при посадке не провалились в тартарары...

Я шел, и мне все мерещилось, что над горизонтом вот-вот покажется либо световая мачта, либо какое-то строение – хоть что-то, намекающее на окончание пути. Но ничего не появлялось. А идти было все труднее. Я по-прежнему нормально дышал, только вот в голове начал появляться какой-то шум, и перед глазами то и дело мелькали желтые точки, похожие на рой комаров.

А потом я обернулся и едва не завыл от тоски: оказалось, я прошел-то всего метров триста. В заблуждение меня ввели особенности моего нынешнего положения – и тяжелый скафандр, и нехватка кислорода, и обманные оптические законы в безвоздушном пространстве. А больше всего – напрасная надежда, которой я отдался целиком, как доверчивый ребенок...

Мои ноги подогнулись, я плюхнулся на колени. Край Доры над горизонтом создавал причудливую лучистую радугу. Она была очень красивой, но холодной, как и весь этот крошечный, никому не нужный мирок.

Я стоял на коленях, глядя на зазубренную округлость горизонта, на резкие длинные тени камней, на едва заметные немногочисленные колючки звезд в чужом небе.

«Вот и все, Грач, отлетался», – вздохнул я.

Никакой истерики со мной не было. Просто погано как-то стало на душе. Не так я хотел встретить этот час...

Дора проваливалась за горизонт, холодная радуга становилась все меньше.

Я все еще стоял на коленях, даже не пытаясь подняться и идти дальше. Куда идти-то?

Некуда идти...

Космическая лаборатория протовещества
«Новый Ковчег»
Система Аквилон, орбита Тильды
16 ноября, 10–40 GTS

В очередной раз контролируя порядок в своем макияже, Тася заметила в зеркальце, что ее главный начальник, академик Ступич, беспокойно поглядел на часы.

– Думаете, опоздает? – спросила она.

– Господин Марциони никогда не опаздывает, – ответил Ступич. – Хотя и может себе это позволить. У нас все готово?

– Давно все готово, Арго Маратович, – с легкой укоризной ответила Тася. – Все, что от меня зависит, пройдет хорошо, обещаю. Он не очень строгий, этот ваш Марциони?

– Обычный, – пожал плечами академик. – Самый обычный миллиардер. Сдержанно вежливый, подспудно требовательный, со своеобразным юмором.

– Я никогда не видела миллиардеров. Мне кажется, они все одинаковые. В одинаковых костюмах, с одинаковыми часами и с одинаковыми лицами. А вместо глаз – цифровые дисплеи.

– Нет, Тасечка, миллиардеры тоже разные. Наш вот, например, довольно уникальный. Таких немного.

– Вы хорошо его знаете?

– Да нет... Один раз виделись вживую, когда я получал из его рук сертификат на наш грант. Ну и несколько раз общались по видео.

– А расскажите мне про него, Арго Маратович, – Тася кокетливо одернула белую юбочку. – Я же должна знать, кого встречаю.

– Рассказывать особо нечего... – Ступич ненадолго задумался. – Лет ему около пятидесяти, но молодится, не вылезает от косметолога. Высокого роста, курчавые волосы до плеч... Галстуки не носит принципиально, зато всегда таскает на шее толстую платиновую цепь с какой-то бляхой. Эксцентричен. По слухам, живет с двумя несовершеннолетними мальчиками. Иногда играет на русской гитаре в каком-то ресторане. Собственноручно пилотирует свой яхт-рейсер. Увлекается лошадьми, фехтованием на африканских мечях...

– Так это здорово, Арго Маратович! Кажется, он интересный человек.

– Что ж... – академик грустно улыбнулся. – С такими банковскими счетами каждый может купить себе интересную жизнь и стать интересным человеком, кто же спорит...

– Вы тоже интересный человек, хотя и без банковских счетов, – успокоила его Тася. – А откуда у него деньги, Арго Маратович?

– Ну, девочка, это не нашего ума дело. Хотя... насколько мне известно, он унаследовал небольшое состояние. А потом сделал его большим. Говорят, Война колоний ему очень помогла. Он занимался гражданскими поставками, энергетикой, еще чем-то. Нам это неинтересно, Тасечка.

– Понимаю, нам интересно, чтобы он с нами поделился, да?

– Ну... конечно, да.

– Как думаете, поделится?

– Шансы довольно велики. Я говорил, он своеобразный человек. Когда делать деньги ему стало скучно, он захотел стать общественным деятелем и начал выдвигаться где ни попадя. Успеха добился весьма скромного, кажется, получил губернаторский пост в какой-то нищей колонии с двадцатью тысячами населения. Поигрался с губернаторством – надоело, бросил. Теперь вот я пытаюсь увлечь его нашим проектом. Кажется, роль мецената ему нравится, а там посмотрим...

Академик еще раз бросил взгляд на часы, и в тот же момент пришло сообщение от вахтенного:

– Арго Маратович, яхт-рейсер «Оригами» вышел из нуль-канала. Прогнозируемое время стыковки одиннадцать-ноль пять по абсолютному времени.

Академик не удержался от улыбки.

– Точность – вежливость властелинов. Пойдем, Тасечка, встречать дорогого гостя.

* * *

Когда Тася увидела прибывший корабль – изящный, серебристый, похожий на летящую чайку, – она немного разволновалась. Она невольно подумала о том человеке, который был в кресле капитана – о богатом, загадочном, эксцентричном и вовсе не старом мужчине с романтической внешностью.

Правда, потом, когда Марциони взошел на борт «Ковчега», она несколько разочаровалась. Внешность у миллиардера была действительно эффектная, но какая-то ненастоящая. Сказывались медицинские омоложения.

Марциони очень быстро, но без суеты со всеми поздоровался, каждому успел сказать какую-нибудь простую любезность, а лично Тасе прошептал, глядя прямо в глаза:

– Oh, madame, quelle deesse a pose pour vos jambes? {О, мадам, какая богиня позировала для ваших ног? (<I>фр.)} Его манеры были изысканными и необычными, но, как и внешность, несколько искусственными, словно отработанный ритуал. Всего за минуту он успел всем понравиться, а еще через минуту про всех забыл.

Вниманием гостя быстро завладел академик, и мешать ему, естественно, никто не стал. Тася шла чуть позади и прислушивалась к разговору, чтобы не пропустить какое-нибудь важное распоряжение начальника.

– Давно вас ждем, – слышала она голос Ступича. – Спасибо, что нашли время побывать у нас в гостях.

– Еще не в гостях, – мягко усмехнулся Марциони. – Предпочитаю считать это деловым визитом.

– Конечно, дела прежде всего! Как раз сегодня нам есть что показать вам.

– Я верю в предсказания, господин Ступич. Мне было предсказано, что сегодняшний день стоит потратить на вас. Voila une belle journee pour une bonne affaire! {Прекрасный день для прекрасного дела! (<I>фр.)} Кстати, перелет обошелся мне в четыреста чеков. Надеюсь, мы их окупим?

– Думаю, что... э-э... – академик растерялся.

– Не отвечайте. Наши усилия всегда окупаются радостью жизни и движения. L'objectif n'est pas important c'est le chemin parcouru qui compte {Цель ничто, движение – все! (<I>фр.)}. Если бы я так не думал, то не стал бы тем, кем стал. Советую и вам пользоваться этим простым принципом.

– Непременно, непременно... Не желаете ли пообедать с дороги?

– Вы же сами сказали, что дела прежде всего. Так давайте займемся делом. Мне не терпится узнать, на что потрачены мои деньги.

В этом, отметила Тася, миллиардер был прав. Его деньги, выданные научной группе Ступича, были уже почти полностью потрачены. И если сегодня не удастся его удивить, проект зачахнет, как роза в пустыне.

– Пройдемте в испытательный центр, – предложил академик. – Мы приготовили все, чтобы вы увидели...

– Не тратьте попусту слова, академик. Сами же говорите, что я сам все увижу.

Тася немного отстала, чтобы незаметно связаться с испытателями и произнести заветное слово «идут». К ней тут же подскочил кок и, яростно жестикулируя, прошептал:

– Так что, мне подавать или нет?

Тася выразительно посмотрела на него: мол, не вертись под ногами. А затем поспешила за гостем.

В смотровой кабине все блестело неестественной чистотой. Испытатели, одетые по случаю визита в белоснежные изолирующие костюмы, неслышно скользили за бронестеклом, словно исполняли некий тайный ритуал во славу науки.

– Итак, господин Марциони, перед вами святая святых – объект наших исследований.

Гость несколько секунд рассматривал графитовую кювету, установленную в центре испытательной камеры, потом едва заметно пожал плечами.

– Эта сковорода со сметаной – то, о чем вы мне говорили?

– Это не сметана. Это вообще не жидкость, не газ, не порошок. То, что вы видите, – не вещество, а, скорее, состояние вещества. Официального названия у явления нет, но мы приняли рабочее название – геоплазма. Месторождение – одна из малых планет системы Дора-14, и возможно, в конце концов геоплазму переименуют в соответствии с местом открытия...

На самом деле Тася знала, что Ступич мечтает о другом имени для геоплазмы. Он спит и видит, чтобы открытие назвали его фамилией. Впрочем, она его за это не осуждала, поскольку свой грамм честолюбия любому ученому только на пользу.

– Хорошо, показывайте, – Марциони принял расслабленную позу в кресле, ожидая зрелища.

Ступич отошел к пульта, тихо сказал что-то в микрофон. Гость со снисходительным любопытством прислушивался к научной абракадабре, не выказывая нетерпения. Тася скромно сидела в углу и, сжав кулачки, истово молилась за удачу.

В испытательную камеру въехала автоматическая тележка с цилиндрическим аквариумом. За стеклом сидела маленькая испуганная обезьянка и таращила на мир блестящие глазенки. Выросшая на всем искусственном, она выглядела больной и облезлой.

Гость неожиданно рассмеялся.

– Где вы тут раздобыли это существо? Уму непостижимо, на космических базах не выживает никто, кроме людей и тараканов!

– Это клон, – отозвался академик. – Я заказываю их, используя свои связи. Это стоит некоторых средств, но другого выхода нет. Экспериментировать на людях мы пока не можем. А теперь внимание... – Ступич пробежал пальцами по сенсорам и скомандовал: – Разряд!

Обезьяна взвизгнула и заметалась в своей банке. Марциони некоторое время сидел молча с недоумением на лице, потом взглянул на академика.

– Ну и?..

– Прошу внимания на мониторы. В момент, когда животное получило электрический удар, в сосуде с геоплазмой зафиксированы следующие изменения: падение плотности – восемь процентов, снижение электрического сопротивления – полпроцента, повышение температуры – шесть десятых градуса, – Ступич торжествующе взглянул на гостя.

Но гость почему-то не торжествовал.

– М-да... – произнес он со странной интонацией. – Поразительно. Я пролетел полгалактики, чтобы посмотреть, как вы вставляете оголенный провод в задницу мартышке. И вы полгода этим занимаетесь?

Тася заметила, как по лицу академика сбегала струйка пота.

– Но поймите... – запинаясь, проговорил он. – Это и есть тот результат, который мы вам обещали шесть месяцев назад, когда получали грант. Налицо восприимчивость материи к изменениям ментальной энергии...

– Вы обещали несколько другой результат. Вы говорили, что человек сможет управлять машинами с помощью силы мысли – и это без всяких имплантатов, электродов и прочего железного хлама в мозгах. А пока я вижу только замученное животное и бадью со сметаной.

– Да, совершенно верно! – горячо заговорил академик. – Пока только животное. Сейчас я вам покажу вторую фазу эксперимента, вы все поймете.

– Вторую? – Марциони пожал плечами. – Давайте вторую.

– Смотрите! – объявил Ступич, затем что-то сказал в микрофон и жестом пианиста прошелся по клавишам на пульте.

На первый взгляд, ничего нового не произошло. Обезьяна снова вскрикнула, но потом неожиданно быстро успокоилась, легла на бок и заурчала.

– Похоже, вы ее прикончили, академик, – констатировал Марциони. – Поздравляю.

– Вы не поняли? – нервно улыбнулся Ступич. – Ну, естественно, вы не смотрите на приборы. А я объясню. Геоплазма отреагировала на приступ боли у животного, аппаратура зарегистрировала эту реакцию и отключила болевое воздействие. Иными словами, обезьяна дала мысленный приказ выключить разрядник.

Миллиардер несколько секунд осмысливал услышанное.

– Ну... а включить его она может?

– В принципе, может, – академик озадаченно наморщил лоб. – Но зачем?

– Как зачем? В перспективе предполагается, что человек сможет и включать, и выключать, и еще много чего делать. Или я что-то понял не так?

– Нет, все так.

– Но вот в чем штука... Человека всегда придется бить током, чтобы техника слушалась его мыслей?

Несколько секунд Ступич рассеянно моргал, потом до него дошло, что гость шутит.

– Что вы, нет, конечно, нет! Мы же работаем. Мы записываем ментограммы, анализируем их, сепарируем сигналы, затем эмулируем их аппаратными средствами и смотрим, как на них реагирует геоплазма. Образно говоря, мы учим ее язык.

– И сколько слов уже выучили?

– Слов? – Ступич развел руками. – Если переводить на слова, то только одно.

– И какое оно?

– Боюсь, не смогу воспроизвести. Это высокочастотный сигнал, определенным образом модулированный. Могу продемонстрировать, но боюсь, опыт не покажется вам слишком зрелищным.

– Да уж... С обезьяной куда веселей. Давненько я не был в зоопарке. Скажите, это все, что вы хотели мне сегодня показать? – он поднялся с кресла, прошелся, разминая ноги.

– Пока да, – убитым голосом проговорил академик. Тасе вдруг стало его нестерпимо жалко.

– Угу... – Марциони задумался. Ступич стоял перед ним, как подсудимый перед трибуналом.

– Ни за что не поверю, – сказал вдруг миллиардер, – что вы не пробовали эту штуку на человеке.

– Э... – Ступич растерянно заморгал. – Но...

– Что «но»? Есть проблемы?

– Видите ли... видите ли, это слишком неизученный аспект, это еще рано, очень рано! – Академик был похож на воришку, застигнутого врасплох.

– Ну-ну-ну! – рассмеялся Марциони. – Вы меня еще будете пугать. Так что, в чем загвоздка?

Ступич все еще мялся.

– Реакция есть, – тихо проговорил он. – Но непредсказуемая.

– Вот как? – оживился Марциони. – Пожалуйста, дальше.

– Ну... – Ступич изобразил несколько неопределенных жестов. – Все очень бессистемно. Видимо, ментальность человека в разы сложнее, чем у животного...

– Тонкое наблюдение, – гость испустил смешок.

– Да, конечно, это элементарно... Так вот, я продолжаю, на данном этапе невозможно предсказать, как реагирует геоплазма на боль, на страх, на удовольствие. Она даже на простое присутствие человека реагирует всегда по-своему. Потому-то мы и ограждаемся от нее электромагнитными щитами.

– Очень интересно, – заметил Марциони. – Вот это и надо было мне показывать, а не мучение бедной мартышки.

– Но, поверьте...

– И слушать не хочу! Показывайте немедленно! – Марциони направился обратно к креслу, но вдруг остановился. – У меня отличная идея! Я сам хочу побыть подопытным кроликом. Посмотрим, как эта сметана примет меня, а?

Ступич сделал страшные глаза и замахал руками. Но уже через минуту сник. Сегодня парадом командовал не он.

Техникам-ученым не понадобилось много времени, чтобы подготовить испытательную кабину с бронестеклом и пригласить туда дорогого гостя. Марциони встал там, сложив руки на груди и иронично поглядывая по сторонам. Всем своим видом он показывал, что для него происходящее – очередная забавная игра.

Но Тася видела, что ее шеф бледен и растерян. События шли не по его сценарию.

– До отключения поля тридцать секунд, – доложили с пульта.

«Ну-ну», – нарисовалось на лице миллиардера.

На счет «ноль» Ступич до крови прикусил губу. Электромагнитный щит исчез незаметно для глаз, и на первый взгляд ничего не произошло.

Через секунду геоплазма в кювете вдруг начала набухать и менять цвет на серый, а затем – на густо-черный. Пространство вокруг нее поплыло, как знойное марево. Еще мгновение – и кювета затряслась, а затем разлетелась на части. Россыпь осколков ударила и по бронестеклу, заставив Марциони отпрянуть назад.

Академик бросился к нему.

– Вы целы?! – воскликнул он, хватая гостя за руки.

Тот убрал руки и приложил их к лицу. Некоторое время он так и стоял – закрыв лицо и чуть сгорбившись. Потом жалко улыбнулся.

– Что-то такое было... – он неопределенно помахал рукой у виска. – Голова закружилась. Странно...

Ступич отвел Марциони в кресло, сунул ему бокал с напитком.

– Все в порядке, – сказал миллиардер, отстраняя питье. Впрочем, было видно, как он обескуражен. – Мне показалось, что-то заглянуло в меня, – неожиданно признался он.

Академик лишь развел руками. Гость болезненно сморщился и вновь прикрыл лицо ладонью.

Через пару минут Марциони восстановил душевное спокойствие и даже вернул свой веселый настрой.

– Знаете, Арго Маратович, – сказал он наконец. – Я не такой дремучий человек, каким показался вам и вашей прекрасной спутнице...

– Но я... – оторопел Ступич, но гость его перебил.

– Не нужно оправдываться. Я ведь вижу: вы разговариваете со мной на языке научно-популярного издания. Так вот, я не такой дикарь, каким выгляжу. И прошу извинить мой сарказм – это всего лишь неистребимая привычка все подвергать сомнению. В общем, я считаю, нам есть что обсудить. Что вы там говорили насчет обеда?

– Да, конечно, все накрыто, – выпалил окрыленный Ступич.
– С одним условием. Я очень щепетилен относительно напитков.
– Но у нас...
– Меня не интересует, что у вас. Пить будем то, что у меня. Свое вино я всегда вожу с собой.

* * *

– Не возражаете, если на наших переговорах будет присутствовать еще один человек? – спросил Ступич по дороге в столовую.

– Вы о своей прекрасной помощнице?
– Собственно, я имел в виду другого человека.
– Жаль, я думал, она разделит с нами радость хорошей трапезы.
– Она, конечно, разделит, но я хотел бы познакомить вас еще кое с кем, – словно извиняясь, проговорил академик.
– Знакомьте, – просто ответил Марциони.

Человек уже ждал в столовой. Он поднялся навстречу вошедшим, демонстрируя военную прямооту спины и командирское лицо.

– Генерал Бетховен, – представил его Ступич. – Наш верный союзник и, как я планирую, командующий нашей будущей маленькой армии.

– Бетховен? – усмехнулся миллиардер. – Хорошая фамилия для военного. А для чего вам армия, господин ученый?

– Это небольшая армия, и, думаю, без нее не обойтись. Верные и дисциплинированные люди нужны в любом большом деле.

– В моем подчинении сейчас около четырехсот человек, – сообщил Бетховен.

– Четыреста верных людей – это, конечно, хорошо, – пожал плечами Марциони. – Но их нужно чем-то кормить и им нужно платить. И возлагается эта обязанность, естественно, на меня. Вот я и хочу знать, зачем.

– Хочу пояснить, что я действующий генерал федеральной армии. Мое подразделение находится на довольствии и денежном содержании правительства. Хотя и меньшем содержании, чем было во время боевых действий. Мои люди – наемники, и, хотя они имеют статус военнослужащих, в мирный период нам разрешена некоторая самостоятельность и хозяйственная деятельность.

– То есть вы бесплатная армия? – уточнил Марциони.

– Пока – да. Почти... Мы надеемся получить свое, когда... Когда заслужим.

– Ну, ясно, господин генерал. Остались не у дел после Войны колоний, подсустились, обеспечили людей каким-никаким занятием, верно я угадал?

– Так точно, – сдержанно ответил генерал.

– Понимаю вас... Я знал немало военных чинов, которые вовремя подсустились. Именно так, например, возник Особый дивизион – загадочная организация, которая может все, но не отвечает ни за что.

Генерал поджал губы – видимо, гость задел за нечто живое.

– Хорошо, генерал, о вас поговорим позже. Думаю, пора за стол.

Тася знала: академик умышленно устроил достаточно скромный обед. Гость не должен подумать, что ученые тут шикуют на его деньги.

– Итак, Арго Маратович, поговорим откровенно, – предложил Марциони, чуть надкусив плитку прессованного мяса. – Сегодня вы показали мне, на что ушел мой... нет, ваш грант. Не скажу, что сильно впечатлен, ну да ладно, это всего лишь грант. Теперь вы ведете речь о

поэтапном финансировании. Что это за этапы, о каких суммах идет речь, какой результат вы ожидаете в обозримом будущем – рассказывайте все по порядку.

– Конечно, – Ступич отложил вилку. – Первый этап – системный анализ восприимчивости. Я хочу знать, какие именно воздействия меняют свойства геоплазмы как в количественном, так и в качественном выражении. По моим расчетам, через три месяца мы сможем вызывать множественное предсказуемое изменение параметров. Я достаточно понятно объясняю?

– Пока – да. Вы хотите знать, сколько вольт подать на обезьяну, чтобы ваше вещество, например, забулькало. Так?

– В целом, так. Второй этап, который займет не меньше полугода, – научить человека воспроизводить нужный сигнал.

– Полгода?! Неужели это так сложно?

– Сложно? – Ступич пожал плечами. – Может, и не сложно, но таких исследований никто не проводил, и говорить наверняка ничего нельзя. Вот вам пример: попробуйте согнуть какой-нибудь палец на руке так, чтобы остальные не шелухнулись. Речь идет о том же самом, но на уровне мозговой деятельности. А жизнь нейронов куда меньше вам подвластна, чем движения пальцев, понимаете?

– Хм... Понимаю, но... – Марциони показал академику ладонь, затем крепко сжал ее в кулак и пошевелил большим пальцем. – Мне это удалось! – и он рассмеялся.

Ступич сдержанно-вежливо улыбнулся, оценив находчивость гостя. Затем продолжил.

– Параллельно будут вестись исследования свойств самой геоплазмы. Скажу откровенно, есть серьезные проблемы. Главная из них – неустойчивость геоплазмы. Мы научились сохранять ее с помощью сильных электромагнитных полей, но для практического применения этот способ не годится. Нам придется, по сути, создавать еще одну лабораторию, но это лучше, чем отдавать исследования сторонним организациям. Более того, полномасштабные исследования нужно начинать не на этом ржавом корыте, а в условиях стационарного научного центра, где-нибудь подальше от цивилизации. Все это я указал в концептуальном плане, с которым вы, надеюсь, ознакомитесь...

– Стойте-стойте, – Марциони поднял руку, – так вы говорите, через год технология будет готова для практического внедрения?

– Я бы не был так категоричен. Хотя... Если сохранить нынешние темпы, если не возникнет непредвиденных осложнений разного порядка... Все это научные аспекты нашего проекта, но ведь есть и другие: политические, экономические.

– Интересно, продолжайте. – Марциони отодвинул тарелку, похоже, космический обед его не воодушевил.

– Важнейший вопрос: сохранение прав на интеллектуальную собственность. Месторождение находится, как я говорил, в системе Доры-14, в зоне, где влияние Федерации как нигде низкое. Пока мы сохраняем секретность нашего предприятия, но если речь пойдет о промышленном применении... – Ступич развел руками.

– Да, это проблема, – кивнул Марциони. – Переговоры с Алданием – дело неблагодарное.

– И тем не менее нужно искать варианты. Дора не поделена, Алдания имеет на нее равные права с Новым Мельбурном. Может быть, стоит зайти с этой стороны? И здесь вы, господин Марциони, можете оказать неоценимую помощь проекту. Используя ваше влияние в Парламенте, можно подключить какие-то дипломатические механизмы.

– Правильно ли я вас понимаю: вы ведете речь о геологической разработке?

– Формально – да.

– А вопрос о синтезе этой вашей плазмы вы вообще не рассматриваете? Нам в любом случае будет проще построить производство любой сложности, чем хозяйничать на чужой территории.

– Синтез геоплазмы сейчас нами даже не обсуждается, – покачал головой академик. – Мы ведь до сих пор толком не знаем, что это. Вернее, вообще не знаем. Кстати, вам известен возраст Вселенной?

– Возраст Вселенной? – удивился Марциони. – Ну, не помню... Наверно, много миллиардов лет...

– Двадцать пять, – кивнул Ступич. – Двадцать пять миллиардов лет назад появилась материя, так гласит последняя официальная версия. А вот малая планета, на которой обнаружена геоплазма, судя по некоторым признакам, в полтора раза старше Вселенной.

– Как такое может быть?

Ступич снисходительно усмехнулся.

– Неизвестно, в каких условиях рождалась геоплазма. Неизвестно, какие законы природы действовали при этом. Человеческие возможности познания, увы, еще во многих вопросах весьма ограничены. Поэтому я настаиваю: нам нужно любой ценой застолбить свои права на Дору-14. Геоплазму нельзя отдавать в руки варваров ни на каких условиях.

– А кого, простите, вы называете варварами?

– Тех, кто выбирает голый расчет, минуя процессы познания.

– Вы не меня имеете в виду?

– Что вы, господин Марциони, вы человек иного склада. Вы человек любопытный, интересующийся... Я же помню, что вы сказали мне при первом знакомстве.

– Ну, я много чего мог сказать... – слегка нахмурился Марциони.

– Вы сказали, что в нашем проекте вас меньше всего интересует прибыть, помните?

– Да, возможно, говорил. Но тогда была другая ситуация. Тогда еще не шла речь о моем финансировании нового направления в науке и технике. Уверяю вас, забывать о деньгах я вовсе не намерен.

– О них и невозможно забыть. Вы деловой человек и можете осознать, о каких деньгах пойдет речь в случае нашего успеха.

– Да-да, уже осознал. И еще я, кажется, понял, зачем вам понадобилась маленькая армия.

– Не сомневался, что вы поймете. Геоплазма – это открытие, сопоставимое по важности... ну, не знаю – с созданием магнитной памяти! Нам предстоит серьезная борьба, и какие методы против нас будут применяться – не знает никто. Тем более в наше беспокойное время.

– Мы готовы отразить любые методы, – вставил словечко генерал.

– Кстати, хотел вам сказать, – академик многозначительно поднял палец. – Генерал Бетховен – человек, которому мы более всего обязаны открытием геоплазмы.

– В каком смысле? – недоверчиво спросил миллиардер. – Армия уже проводит изыскания?

– Не совсем так, – не слишком охотно отозвался генерал. – Нам пришлось... э-э... Пришлось выполнять служебно-боевую задачу на той самой малой планете. И мои люди не пожелали обратить внимание на, так сказать... на некую странную субстанцию.

– Поразительно, – покачал головой Марциони. – Я просто не перестаю удивляться вам. Академик готовится к конкурентным войнам, генерал занимается космогеологией... Чем еще удивите? Вот эта девушка, – он кивнул на Тасю, – она не инопланетянка?

– Нет, Тасечка – наша, – ласково улыбнулся академик. – Она научный сотрудник, мой личный референт. Впрочем, у нее здесь много обязанностей...

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Марциони, откровенно оглядев Тасю с ног до головы.

– И еще, что касается военных, – добавил академик. – Именно люди генерала Бетховена в настоящее время обеспечивают нас образцами геоплазмы. Хочу сказать, как раз сейчас одна из оперативных групп выполняет эту опасную и непростую работу.

– Да уж... – качнул головой Марциони. – А скажите мне, уважаемый господин ученый, отчего же вы пришли именно ко мне? Почему не стали действовать через вашу Академию наук, например? Через Агентство внеземных изысканий?

– Если б я захотел все потерять и все испортить, непременно опубликовал бы доклад, – зло усмехнулся Ступич. – Вам прекрасно известно, что существует две разные науки. Одна – чистая фундаментальная наука – это как раз мы, я и моя группа. У нас паршивое финансирование, абстрактные задачи, собачья работа, мы годами не видим родных. Я, к вашему сведению, единственный летающий академик... А есть еще прикладная наука. Она занимается заведомо выгодными и окупаемыми проектами, она берет платные заказы у частного капитала и, по большому счету, подгоняет истину под необходимый результат. Так вот, стоит нам, фундаменталистам, откопать что-то мало-мальски практичное, это сразу отдают прикладникам. Все, что нам достается, это упоминание в малоизвестном журнале.

– Вот как, – усмехнулся Марциони, – решили, стало быть, потешить самолюбие.

– Я же знаю, как все будет. Стоит мне объявить о неорганической материи с ментальной восприимчивостью, меня прежде всего поднимут на смех. А высмеивать у нас любят и умеют. Такое клеймо приложат, что не отмоешься.

– Но ведь есть доказательства, – осторожно заметил Марциони.

– Конечно, есть. Только этого никто не заметит. Материалы исследований уйдут в другие руки, а я так и останусь посмешищем.

– Да неужели в науке царят такие нравы? – покачал головой Марциони.

Ступич тяжело вздохнул.

– Скажите, на вашем яхт-рейсере установлен безотносительный компас-привод?

– Естественно, без него как без рук.

– Полагаю, вы представляете, на каком принципе основано его действие. А знаете, кто первый исследовал и описал свойства дуалистической связи расщепленных нейтронов?

– Да неужели вы, Арго Маратович?

– Ну, не я... Не я, а мой ученик. Такой же, как я. И что в остатке? Прибор сегодня установлен на каждом втором космическом аппарате, лицензии на производство проданы в три десятка освоенных миров. А первооткрыватель по-прежнему торчит на орбитальном фазотроне и в жизни видит только это! – Ступич в сердцах оттолкнул свою тарелку с искусственной пищей.

Гость с любопытством взглянул на академика.

– Не нервничайте, пожалуйста. Если у нас дела заладятся – пригласите ученика к себе, пусть и он денжат подзаработает. Главное – верить в удачу. *Le succes sourit aus courageux.* {Удача любит смелых<I> } (фр.)</K>.>

– Конечно, – академик слабо пожал плечами. – Конечно, я верю в удачу. Что мне еще остается? Только верить и – работать.

За столом вдруг установилась тишина. Гость что-то обдумывал, и никто не смел нарушить молчание.

– Вот что я вам скажу, дорогой мой Арго Маратович, – произнес он наконец. – Денег я вам дать не могу.

– Как?! – оторопел Ступич. – Но... но почему?

– Потому что вы действуете в обход закона и общества, и неизвестно, какими неприятностями это грозит.

– Но я же вам все объяснил! – Ступич вскочил.

– Не пугайтесь, – Марциони насмешливо посмотрел на него. – Сядьте и выслушайте. Я не могу принять официальное участие в финансировании столь неофициального проекта. Я еще не ушел из политики, а репутация – единственное, что не купить за деньги. Здесь пахнет большими суммами, которыми не удастся ворочать незаметно. Я подумаю, как привлечь сто-

ронние средства к вашей работе, но до поры до времени мое имя не должно фигурировать рядом с вашим.

– И что это означает?

– Да, в общем, почти ничего, – пожал плечами гость. – Разве что подождать вам придется чуть дольше, чем вы рассчитывали. Так что экономьте оставшиеся средства. Ну, кое-что по мелочи я вам подкину – чтоб не сидели голодными. И не забывайте про секретность.

– Это моя компетенция, – солидно заметил Бетховен.

Гость встал.

– И еще. Я желаю быть в курсе всего, что делается по проекту. Не удивляйтесь, академик, если через какое-то время я пришлю своего человека, от которого у вас не должно быть никаких тайн. Оформите его хоть мойщиком пробирок, чтоб не болтался без дела, – Марциони усмехнулся. – Я свяжусь с вами через две недели. Надеюсь, порадуете новыми результатами. Ну и я вас чем-нибудь порадую...

Операционный центр космической поисково-спасательной службы Нового Мельбурна 27 ноября, утро

Четыре часа я просидел в кабинете для допросов, пока дожидался дознавателя. Наконец он, точнее, она пришла: полненькая черноволосая девушка с усталыми глазами. Она была очень хорошенькая, свеженькая, как пирожок. И мешковатая форма поисково-спасательной службы ее почти не портила.

Но меня ее красота ни на что не воодушевляла. Я был не в том состоянии, чтобы кокетничать с девушками. И мне было совершенно наплевать даже на то, что она видит меня в столь неприглядном виде.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она меня. – Вы способны отвечать на вопросы?

– Не вполне, – ответил я, с усилием выдавливая слова.

А сам подумал: «Здравствуй, Новый Мельбурн, с твоим безудержным гостеприимством. Продержать человека чертову уйму времени в холодной кутузке, не предложив даже стаканчик кофе, а потом цинично поинтересоваться самочувствием...»

– Может быть, вам нужен врач? – спросила девушка.

– Не думаю, что это поможет.

– Как угодно. Я – сержант Котарян, старший инспектор-дознаватель поисково-спасательной службы Нового Мельбурна. Назовите, пожалуйста, свое имя, гражданство и предоставьте любые подтверждающие документы.

– Уильям Гаусс, Солнечная Федерация. Здесь документы, – я предъявил запястье с биометрическим чипом. Девушка кивнула и придвинула ко мне смарт-планшет, чтоб я приложился к нему своим чипом.

Нельзя сказать, что я солгал. Уильям Гаусс – мое почти настоящее имя. По крайней мере, оно совпадает с данными чипа. Другое дело, если она вздумает проверять мою личность через базы данных... Но до этого дойдет не сразу. Чипам обычно верят.

– Вы хорошо помните события последних дней?

– Большой точности не гарантирую, – с сожалением признался я.

– Что ж, поговорим о том, что помните. Итак, ваше судно – спасательный бот неизвестного типа – было обнаружено за орбитой Сигмы, в зоне ответственности Нового Мельбурна. Зафиксирован универсальный сигнал бедствия. Вы официально признаны потерпевшим бедствие и обязаны отвечать на вопросы представителя спасательной службы. Вам ясна позиция?

Я поморщился. Слишком много слов. Но все же кивнул – в принципе, все ясно.

– При каких обстоятельствах вы оказались на борту спасателя?

Я тяжело вздохнул. Что рассказать этой милой доверчивой девочке?

Как я валялся на поверхности Луны-один, впитывая кровью последние молекулы кислорода и уже чувствуя в ногах подступающий космический холод. Как желтый туман плыл перед глазами, а голова болела так, словно ее зажимали в тиски. Как чувство реальности растворялось в мертвой темноте, подобно воде на горячем песке.

То, что было потом, я принимал за предсмертные галлюцинации. Я видел, что меня несут. Их было четверо или шестеро, и кто-то все время заглядывал мне в глаза через стекло шлема... И что самое пугающее, они, эти неизвестные люди, были без скафандров!!!

И уж совсем невероятным оказалось то, что я увидел позже. Не было оледеневших скал и зыбучих песков, не было черного неба с колючими звездами. Сквозь мутное окно шлема я наблюдал курчавые древесные кроны, на холмах росла густая зеленая трава, текли веселые ручьи. Небо было такой пронзительной синевы, что хотелось плакать.

Что я думал в тот момент? Только одно: я умер и попал в рай. А что тут еще подумаешь?

И еще я помнил, как потом сидел на траве возле небольшого живописного водопада. Помню теплый ветерок на лице. Россыпь свежих фруктов неподалеку. Незнакомый человек с благородной сединой и мудрыми глазами сидел напротив – ни дать ни взять какой-то античный философ. Он и одет был в некое подобие туники...

Он задавал мне вопросы, не помню, какие. Знаю только, они были простыми и в то же время какими-то глобальными... Я долго мучился, прежде чем отвечать.

Потом – чередка каких-то невнятных образов в памяти – и вот я на борту, совершенно один. И наконец, спасатели в шлюзе...

Как, скажите на милость, мне объяснить все это сержанту-дознавателю? Я мог бы предположить, что это была какая-то научная база, скорее всего, оранжерея... Почему-то я и сам в это плохо верил.

– Я вас слушаю... – Барышня нетерпеливо постучала ноготком по крышке стола.

Я снова вздохнул.

– Это был чартерный рейс в систему Доры, – сказал я наконец. – Я связан коммерческой подпиской и не могу слишком вдаваться в подробности.

– Вы имеете на это право, – согласилась девушка-сержант.

– Да, спасибо... Мы потерпели аварию. Вернее, не совсем аварию... в общем, попали в землетрясение на одной из малых планет. Я остался там один, без связи, в дырявом скафандре. Практически ничего дальше не помню – кислородное голодание, обморок – сами понимаете.

– Понимаю, – кивнула барышня. – Вы даже не помните, кто вас вытащил?

– Буду признателен, если вы сами придумаете что-нибудь, похожее на правду.

– Следственная часть не занимается придумыванием. Нас интересуют подтвержденные факты.

– Не знаю, – я сокрушенно покачал головой. – Если по логике, то поднять меня там мог только алданский патруль, больше никому.

– По логике? – она усмехнулась. – Это очень странная логика. Алданский патруль зачем-то садится на необитаемую планету, причем как раз рядышком с вами. Затем предоставляет, а точнее, дарит спасательное судно и отпускает почему-то к нам. И в каком месте тут есть логика?

– Не знаю, – вздохнул я.

– Все очень странно. Боюсь, мне придется допросить вас более обстоятельно. Более того, я собираюсь получить санкцию на применение спецпрепаратов.

– Воля ваша, – уныло ответил я.

Собственно, их сыворотка правды меня мало пугала. Во-первых, я ничего такого не знаю. Во-вторых, по местным законам предъявить мне совершенно нечего. Разве что нервотрепки не миновать.

– Милая девушка, когда вы закончите мариновать меня тут? – устало спросил я. – Хотя бы примерный срок назовите. Очень хочется домой.

– Это зависит не от меня. Однако ставлю вас в известность: я вызвала биометриста, сутки уйдут только на проверку вашей личности. У нас договор с Федерацией о выдаче беглых преступников, так что этой процедуры вам не избежать.

– Я уже преступник?

– Повторяю – это мы выясним не раньше, чем через сутки.

Тут прозвучал мелодичный сигнал – кто-то хотел к нам войти.

– Ваш биометрист быстро ходит, – безучастно проговорил я.

Моя мучительница, казалось, была несколько удивлена, однако дверь открыла.

И совершенно напрасно она это сделала. Это был, как быстро выяснилось, не биометрист.

В комнату легкой пружинящей походкой вошел худощавый человек в черном костюме. Он обворожительно улыбнулся даме, успев быстрым и цепким взглядом охватить интерьер.

– Примите великодушно мои извинения, – он чуть поклонился, – но обстоятельства таковы, что...

В открытую дверь быстро проникли еще трое. Про их вид могу сказать только одно – выдающаяся безликость. Даже через минуту не вспомнишь, как выглядели.

Барышня попыталась подняться и уже открыла рот, чтобы вслух возмутиться, но «черный костюм» мягко положил ей руку на плечо.

– Не вставайте, прошу вас, – с галантной улыбкой произнес он.

Дальше я услышал сухой щелчок, и девушка застыла, как статуя. Она так и сидела, не шевелясь, не моргая, чуть приоткрыв рот.

Я эти штучки знаю. Наши незваные гости применили блокер – это маленькая и эффективная вещица, запрещенная для ношения гражданскими лицами. Отсюда следовало – либо они не гражданские, либо им плевать на запреты. Даже и не знаю, что для меня лучше.

И когда с блокером сунулись ко мне, я завопил:

– Уберите эту штуку, я сам пойду, куда скажете!

Они усмехнулись и не стали меня мучить, за что я им был благодарен. Зато быстро и проворно обыскали и прощупали внутренности сканером, забрав мои драгоценные часы с банковским доступом. И еще мне на плечо легла рука одного из них. Совсем не больно – если не шевелиться.

Один из пришельцев сразу занялся какими-то манипуляциями с планшетом дознавателя. Через пару минут он объявил:

– Чисто.

– А сервер? – спросил «черный костюм».

– Везде чисто.

– Уходим. – Он аккуратно поправил воротник у парализованной барышни и поцеловал ее безвольную руку. – Это было великолепно, беби. Я пришлю тебе корзину желтых тюльпанов.

Меня взяли за рукав и повели по коридору – энергично, но без излишней грубости. Через открытую дверь дежурки я увидел, что и там сидят двое сержантов с остекленевшими глазами – блокер вышибает из человека дух на полчаса и больше.

Я старался казаться понятливым и покладистым, я чувствовал, что при малейшем моем непослушании мне либо двинут под дых, либо выломают кисть – одним словом, докажут, что следует быть паинькой. Парни действовали неторопливо и уверенно, эдакие ходячие танки. Так, по моим наблюдениям, ведут себя федеральные спецслужбы, но какого лешего федералам похищать меня на территории дружественной колонии?

Утешало одно – мне не свернули шею сразу, а значит, можно надеяться на лучшее. Главное, что скоро все выяснится...

**Нуль-пространство,
борт пассажирского яхт-рейсера «Альбатрос»,
28 ноября, 16–00 GTS**

– Стало быть, Грач... – Худощавый человек в черном костюме ощупывал меня взглядом так тщательно, словно видел насквозь каждую косточку.

– Так меня называют только друзья, – вежливо соврал я.

– Отлично. Давай станем друзьями. Не против?

– Вам разве откажешь... – болезненно улыбнулся я.

– Итак, Грач, хочу сразу сказать, что ты мой – весь без остатка. Официально ты пропал без вести. Никакого упоминания о твоём чудесном воскрешении у спасателей больше нет. Могу устроить так, что ты уже не вернешься из небытия. А могу, наоборот, организовать целую рождественскую сказку: трогательную встречу с близкими, слезы счастья и прочие нежные радости. Что тебе больше по душе?

– Ой, даже и не знаю, – покачал я головой. – А можно я посоветуюсь с мамой?

– Нельзя. Но могу дать время на раздумье, если у тебя были другие планы.

– Конечно, были, – в сердцах проговорил я. – Конечно, были нормальные, человеческие планы: вернуться домой, отдохнуть, напиться, потратить заработанные деньги на разные милые удовольствия. Разве это неестественно?

– Неестественно быть таким глупым мальчиком, Грач, – с укором проговорил собеседник. – Какие деньги, какие удовольствия? Ты попал в скверную историю, и дома тебя ждет ордер на арест. На что ты надеешься со своей-то героической биографией, а?

– Мне есть на что надеяться, – уверенно проговорил я. – Бороться с неприятностями – часть моей работы, и до сих пор я с ней справлялся... почти успешно.

– Оптимист... – с сочувствием вздохнул незнакомец. – Как можно быть таким легкомысленным? Твоя довольная рожа на всех экранах наблюдения была крупным планом. Кстати, где ты такой галстук взял – поймал в бассейне с химическими отходами? И дружок твой показания дал в первый же день. Искренне раскаялся, активно сотрудничал со следствием – ему даже обвинение не стали предъявлять. Просто предложили работать на какой-то далекой колонии, с чем он радостно согласился.

Я при этих словах скис, и собеседник это заметил.

– А грехи тебе, Грач, припишут серьезные. Это не тушенку из-под налогов уводить. Один только особый дивизион на тебя такой зуб имеет! И на что ты надеешься потратить свои жалкие деньги? На какие удовольствия – на адвокатов?

– Ладно, хватит, – отрезал я. – Если вы меня знаете, то отлично понимаете, что я – деловой человек. Так что давайте скорее к делу. Для начала, как тебя называть, дорогой партнер, и чью сторону ты представляешь?

– Для друзей я – Бинго, устраивает?

– По первому пункту договорились. Дальше.

– Я действую от имени некоего влиятельного и состоятельного лица, имя которого пока не назову. Однако скажу, что это лицо участвовало в финансировании той самой экспедиции.

– А-а, – ухмыльнулся я. – Наверно, какая-то военная вдова...

– Какая вдова? – удивился Бинго.

– Ну, мне так объяснили. Что экспедицию финансируют военные вдовы.

Бинго искренне расхохотался.

– Ну, будем называть это лицо Вдовой. Хочу также сказать, что ты уже на него работал.

– Я много на кого работал.

– Постарайся припомнить: года три назад ты исполнял заказ по сопровождению каких-то газовых контейнеров на небольшую колонию...

– Гарсия, – сразу вспомнил я. – Благотворительная программа «Обогреем жертв войны». Незабываемая история...

В самом деле, забыть такое невозможно. Это был как раз тот редкий случай, когда мне пришлось лететь вместе с грузом. Полет был недолгим – меньше двух недель. Но за эти недели случилось такое, что у меня еще долго кровь стыла по ночам.

Я, конечно, понимал, что в контейнерах вовсе не альтернативное топливо, как мы всех пытались убедить. И я даже толком не знал, что там, – мне и не надо было это знать. Но на десятый день полета контейнеры дали течь.

Я вдруг обнаружил, что практически все члены команды невменяемы. Капитан забился в какой-то служебный отсек, сидел там один, совершенно голый, и пускал слюни, как младенец. В столовой кок и дежурный отрубали себе пальцы и кидали их в кухонную машину. В рубке все три пилота задались целью уничтожить все экраны, дисплеи и индикаторы, все, что горит и светится. Они заперлись там, и несколько часов я слышал звон и грохот.

Нам удалось выкрутиться. Не считая меня, двое членов экипажа сохранили остатки разума. Первым делом мы остановили сумасшедших пилотов, поскольку те целенаправленно ломали корабль. Затем вышвырнули в открытый космос все эти чертовы контейнеры, а еще полностью обновили воздух на борту. Наконец, рассадили самых буйных по отдельным каютам и сумели вызвать помощь.

Скандал не разгорелся, поскольку нас подобрал корабль, принадлежащий тому же заказчику. Все, замаяли. А мне очень недурно заплатили сверх оговоренного. Во-первых, за перенесенные волнения, во-вторых, за молчание и, в-третьих, за геройское поведение.

В общем, я остался доволен. А когда перестали сниться кошмары, вообще стал вспоминать тот рейс как опасное, но увлекательное приключение.

– Стоп-стоп-стоп, – я хлопнул себя по коленке. – Я понял, кто у нас Вдова. Не иначе, сам господин Марциони, великий и ужасный губернатор Гарсии?

– Ну, какой же он ужасный? Хотя в некоторых вопросах великий. Однако приятно, что ты так проворно соображаешь. Так что ты там говорил про военных вдов?

Я в общих словах пересказал ему версию, которую мне в злопамятном ресторане выдал капитан Дэба. Бинго от души посмеялся, особенно он веселился, когда я цитировал такие слова, как «мемориально-историческое значение», «последний долг павшим» и так далее.

– Ты уже понял, что господин Марциони предлагает тебе новую работу? – спросил он наконец.

– Все к этому и идет, – кивнул я. – Только воротит меня что-то от таких заработков. Ты бы, дружище, поваялся на голом астероиде без кислорода и питания, тогда понял бы меня.

– Ну, это досадная случайность, не более того. На этот раз работа будет интеллигентная. Марциони тебя помнит. И твои способности пролезать без смазки в любое отверстие он оценил сполна. Сейчас он крайне нуждается в таком хитром проныре, как ты.

– Польщен, – вздохнул я.

– Вычислить твое появление на Мельбурне не составило труда. Организовать твою эвакуацию, в принципе, тоже, хотя и стоило денег. Так что вопрос о тебе давно решен.

– Вдвойне польщен. Я понимаю, моего согласия вроде как и не требуется, но, может быть, донесете до меня суть вопроса? А то как-то не с руки говорить ни о чем.

– Будет тебе суть. Ты уже понял, что трогательная история про военных вдов – сказочка для маленьких доверчивых карапузов?

– Можно было и не спрашивать.

– Хорошо. Истинная цель экспедиции, если ты еще не понял, – научные изыскания.

– Что-о-о?! – У меня отвисла челюсть. – Эти гамадрилы с пулеметами – ученые?!

– Успокойся. Они не ученые, они наемный персонал, который выполняет заказ ученых. Еще один союз грубой силы и тонкого интеллекта, эффективная схема достижения любой цели. Ученые исследуют очередной объект, военные их прикрывают, а господин Марциони им платит, но он хотел бы точно знать, на что идут его деньги. Яйцеголовые обладают редкой способностью покрывать свои планы и действия туманом из наукообразной каши. Твоя миссия – эту кашу отфильтровывать и подавать очищенную от примесей информацию. Что скажешь?

– Бред полнейший. При чем тут я? Здесь нужен научный эксперт с пятью дипломами и большой головой.

– Не горячись. Сначала от тебя много не потребуют. Походи там, осмотришься, прочувствуй настроение... Конечно, заведи побольше друзей. Наверняка среди них окажется как раз такой эксперт...

– Вот оно что, – раздосадованно вздохнул я. – Вам нужен резидент.

– Ну, я бы не бросался такими словами. Мы же с тобой не шпионы какие-то, да? Мы бизнесмены, мы оперируем аналитическими данными, которые получаем из различных источников. Кто лучше тебя, Грач, в подобной ситуации подберет нам небольшой штат компетентных и в то же время общительных людей? Это вполне привычное для тебя дело – давать людям немного подзаработать, согласись.

– Привычное, – неохотно согласился я.

– Суть исследований мы откроем тебе чуть позже, у нас еще полно времени. Но учти, после этого обратной дороги нет.

– Да ее и сейчас нет, – негромко заметил я. Потом спросил: – А собственно, чего вы со мной так возитесь? За что такая честь? Своих соглядатаев мало, что ли?

Бинго грустно улыбнулся.

– Видишь ли, Грач, господин Марциони был очень недоволен, когда узнал о вашей неудаче. Я имею в виду происшествие на нуль-портале. Не удивляйся, он знает все. Очень неосмотрительно со стороны капитана Дэбы было открывать тебе пункт назначения.

– А как же иначе? – удивился я. – Как я проведу судно, если не знаю, куда?

– Впрочем, тебе хорошо заплатили, да и репутация твоя отнюдь не плоха – в определенном смысле, конечно. Можно было бы довериться. Но, Грач, ставки в нашей игре столь высоки, что жизни людские стремительно падают в цене.

– Ого, – тихо изрек я.

– Ага... И все же отправлять тебя в небытие было бы просто расточительно. Гораздо выгоднее поставить в строй. И клянусь, если дело будет сделано, ты вернешься домой с чистой совестью и образцовой биографией. Кроме того, ты навсегда забудешь, что такое пресмыкаться перед зажавшимися таможенниками и пограничниками. Это они будут перед тобой ползать и клевать с твоих рук.

– Они и так клюют, – усмехнулся я. – Меня вот еще волнует: не попаду ли я под статью о каком-нибудь промышленном шпионаже... Стыдно признаться, но лицензии на детективную деятельность у меня нет.

– Грач, тебе не о лицензии надо сейчас думать, – хищно улыбнулся Бинго. – А о том, чтобы вернуться к своим потаскушкам, и желательно не с пустыми штанами, понимаешь? А про шпионаж ты зря. Ни о каком шпионаже речь не идет. Ты будешь легально работать в космической лаборатории, и тебя будут знать как официального представителя инвестора. Мы, кстати, именно туда сейчас и направляемся.

– Что ж... Может, скажете, на какой срок я застрял в ваших проблемах?

– Сейчас на рассмотрении годовой план исследований, а потом...

– Что?! Годовой? Я должен год торчать неизвестно где?

– Пока год, – спокойно ответил Бинго. – А там – поглядим. Может, и не понадобится. Может, самому понравится.

– Уму непостижимо! Я думал, провожусь с вами недельку-другую, а тут – целый год!

– Можешь отказаться, – Бинго вновь хищно улыбнулся.

– Да если б мог – ноги б моей тут уже не было! Но вы же, сукины дети, все рассчитали, все подстроили! – Я остыл так же резко, как вспыхнул. Устало махнул рукой. – С такими, как вы, бесполезно спорить.

– Это самое разумное, что ты сегодня выдал, Грач. И, пожалуй, хватит на сегодня светских бесед. Мне осталось только сказать тебе: «Фас!»

– Когда я приступаю?

– Уже приступил. Сейчас ты уединишься в каюте и сочинишь подробенький отчет о своей прогулке на Луну-один. Справишься?

– Терпеть не могу писанину. Может, я так расскажу?

– Нет, Грач, ты все опишешь и поставишь подпись. А если у меня возникнут дополнительные вопросы, тогда поговорим.

– Но предупреждаю, колоть в меня нейролептики бесполезно. Во-первых, скрывать мне нечего, поскольку я ничего такого и не видел. Во-вторых, могу под этим делом такой херни наговорить, что вы со своими мозгоправами сами пожалеете. И еще, верните мне мои часы. Они мне дороги, как память.

– Какая память, Грач? – насмешливо проговорил Бинго. – Что тебе может быть дорого, кроме денег? На, хватай, – он вынул часы из ящика стола и швырнул мне. – Не нужны никому твои нищенские крохи.

– Вот так, денежки счет любят, – строго проговорил я и спрятал свое маленькое состояние в нагрудном кармане.

– Какие будут пожелания? Помыться, переодеться, перекусить?

– Переодеться, – кивнул я. – Но сначала помыться. И перекусить. И если можно, парочку массажисток в ванную. Если не трудно, китайнок или малаек. И хорошо бы дворецкого в номер.

– Приятно видеть, что ты еще способен шутить, – проговорил Бинго с некой двусмысленной интонацией и вышел из каюты.

А я, отложив на потом составление своего первого доноса, принялся размышлять на тему: как мне сбежать из этой компании и при этом сохранить содержимое штанов в целости.

Космическая лаборатория «Новый Ковчег»

Система Аквилон, орбита Тильды

1 декабря, утро

Едва дождавшись герметизации шлюзов, Дэба выскочил на трап и вытянулся перед генералом Бетховеном.

– Господин командующий...

– Вольно, – отмахнулся генерал. – Пошли ко мне.

В каюте у генерала они обнялись.

– Ну, здорово, батя, – выдохнул Дэба.

– И тебе того же. Ох, тяжело было тебя ждать, парень...

Он разлил по рюмкам бренди.

– За твое благополучное возвращение.

– Мне можно побольше, – произнес капитан, покосившись на микроскопическую дозу.

Бетховен рассмеялся и передал ему стакан из бара.

– Наливай сам, сколько надо. Что, сынок, несладко пришлось?

– А когда мне сладко-то было? Ребят вот потеряли...

– Да знаю, – вздохнул Бетховен. – Что ж поделаешь, они – солдаты. Кстати, вы и штатского там оставили?

– И штатского. Может, оно и лучше? Лишние глаза, лишние слова...

– Не знаю, – покачал головой генерал. – Мне его специально советовали, он человек надежный был. Ну, да ладно, мертвых не вернуть. А поэтому – за живых! – он качнул рюмкой.

Они помолчали, пробуя бренди. Генерал поморщился – он не признавал дешевые напитки, зато Дэба хватанул стакан залпом.

– Значит, говоришь, все сделали? – спросил Бетховен.

– Все, – подтвердил Дэба.

– И Придумщика привезли?

– Я же говорю – все.

– Интересно на него взглянуть.

– Ничего интересного, – пожал плечами капитан. – Человек как человек. Лучше скажи, что ты с ним делать собираешься.

– Я думал, ты знаешь, что с ним делать. Вы все-таки служили вместе.

– Ну, служили мы недолго. Если точно – то одиннадцать с половиной дней.

– Судьба... – Бетховен сокрушенно покачал головой. – И все-таки, как думаешь, захочет он говорить?

– Ничего не могу обещать, – покачал головой Дэба.

– Дело-то такое... заставлять не хотелось бы.

– Знаешь, батя, если сам не захочет, то мы не заставим. Но в любом случае яйцеголовые получат его только после нас. Или вообще не получают.

– Это верно.

– У тебя нет водки?

– О-о, да ты увлекаешься, я гляжу.

– Ничего, теперь можно, – Дэба откинулся на спинке кресла, запрокинув голову. – Ребят в увольнительную отпустим?

– А чего ж, пусть погуляют. А вот ты останься, ты тут нужен.

– Останусь.

– Давай-ка взглянем на Придумщика.

– С ним, наверно, медик сейчас занимается.

– Ничего, мы не помешаем.

Дэба неохотно поднялся, и они с генералом направились в сторону санблока. Возле двери с небольшим окошком они остановились.

– Может, заходить не будем? – предложил Дэба.

– Ладно, так поглядим, – генерал прильнул к окошку.

Он и в самом деле не увидел ничего особенного. Простая больничная койка, на которой спит самый обычный на вид человек. Некоторое время генерал его разглядывал, но так ничего интересного и не увидел.

– Не верится, – сказал он. – Просто не верится. Если б ты тут передо мной не стоял живой и здоровый, ни за что бы не поверил в такое.

Дэба усмехнулся.

– Посмотреть бы, как вы там... – Бетховен неопределенно повел руками.

Капитан покачал головой.

– Мы уничтожили все видеопrotocolы.

– Правильно, все правильно.

Когда они шли обратно в каюту, генерал молчал, размышляя о чем-то. Наконец он заговорил.

– Теперь, сынок, главное – момент не прошляпить. Главное – не упустить из рук то, что получится.

Дэба усмехнулся.

– Все и так в наших руках. А этих умников с приборчиками я за конкурентов не считаю.

– Ошибаешься, дорогой мой. Теперь нам не с ними тягаться придется, а совсем с другими силами.

– Какими еще силами? – насторожился капитан.

– Академик нашел деньги. И теперь мы с тобой, да и эта посудина – принадлежим Марциони. Со всеми потрохами... А это господин очень рукастый. Загребать умеет не хуже бульдозера.

– Я не знал, что мы будем делить проект с какими-то белыми воротничками.

– Ну, во-первых, Марциони – не «воротничок». Марциони – это крепкие зубы и острые когти. Во-вторых, на что ж ты рассчитывал, наивный мальчик? Нужны деньги. Нужно очень много денег. Мы не соберем столько, даже если я поставлю своих людей под ружье и отправлю грабить товарные грузовики.

– А он дал, сколько нужно?

– Даст. Уже начал давать. Но он потребует за них ответ.

Генерал многозначительно посмотрел в глаза капитану.

– Посмотрим, – негромко проговорил тот, глядя в пустоту. – Еще поглядим, у кого зубы крепче. Нам и терять-то нечего. Да, батя?

– Да, сынок. Терять нечего, только жизнь. А жизнь у солдата – разменная монета.

Там же, пятью днями позже

Честно сказать, в первые часы мне тут понравилось. Руководитель исследований академик Ступич лебезил и расстился передо мной, как официант, водил по своей летающей базе и щебетал на разные голоса.

Я, впрочем, не впадал в чрезмерное благодушие, поскольку четко знал свою роль: следить и надзирать. Никакого искреннего радушия в мой адрес тут не может быть по определению.

– Вот здесь столовая, – рассыпал информацию мой гид. – Столовая у нас большая, еда разнообразная. Для вас обеды, конечно, будут бесплатными.

– Да что вы! И редька бесплатно?

– Все бесплатно, разумеется, вы же наш дорогой гость.

– Какая честь для меня, – пробормотал я. – Лучше покажите, где я могу наконец остаться один и привести себя в порядок.

– Мы как раз туда направляемся, – тут академика вызвали на связь, и он на некоторое время оставил меня в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.